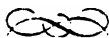

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ
РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

ВЪ ПЕРИПЪ.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1883.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С Петербургъ.
9-го Марта 1853 года.

Ценсоръ Н. Азмаговъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Поземельная собственность въ Китаѣ. <i>И. Захарова.</i>	1.
Историческій очеркъ древняго Буддизма. Іеродіакона (нынѣ Архимандрита) <i>О. Палладія.</i>	96.
О Китайскихъ счетахъ. <i>І. Гошкевича.</i>	169.
Обѣты Буддистовъ и обрядъ возложенія ихъ у Китай- цевъ. Іеромонаха (нынѣ Архимандрита) <i>О. Гурія.</i> . . .	195.
Китайская медицина. Докт. Мед. <i>А. Татаринова.</i> . . .	357.
Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ. Іеродіа- кона <i>О. Иларіона.</i>	442.

КИТАЙСКАЯ МЕДИЦИНА.

КИТАЙСКАЯ МЕДИЦИНА.

ВВЕДЕНИЕ *).

Имѣя цѣлю представить сколько возможно подробное и полное понятіе о Медицинѣ у Китайцевъ, прежде всего должно-бы было прослѣдить исторически, какъ первоначальное развитіе, такъ и постепенное усовершенствованіе этой отрасли Китайскихъ познаній. Такого способа изложенія требуетъ какъ самая полнота предмета, такъ и легкость, удобнопонятность, съ которыми бы можно было перейти отъ медицины древней къ медицинѣ позднѣйшаго времени.

Повидимому, нигдѣ легче, какъ въ Китаѣ, сохранившемъ во всей цѣлости свою древнюю исторію, нельзя находить вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній по разнымъ частямъ человѣческихъ познаній. Но такое

*) Видѣть, по недостатку мѣста, помѣщено лишь введеніе въ статью г. Татаринова, заключающее въ себѣ общія свѣдѣнія о положеніи въ Китаѣ медицины и врачей.

предположеніе, справедливое можетъ быть въ отношеніи къ другимъ предметамъ, трудно-выполнимо въ отношеніи къ медицинѣ. Правда, литература Китайской медицины весьма богата сочиненіями, между которыми многія восходятъ до глубокой древности; но изъ всѣхъ нихъ мало можно занять касающагося до Исторіи Медицины въ Китаѣ. Причиною сего частію недостаточность свѣдѣній, находящихся въ этихъ сочиненіяхъ, а отчасти — самый способъ изложенія оныхъ. Въ Китаѣ книги пишутся совершенно особымъ складомъ, даже можно сказать — безъ строгой логики. Здѣсь разумѣются только книги медицинскія. Въ каждой изъ нихъ то, что излагается въ началѣ, для лучшей послѣдовательности должно-бы находиться въ концѣ, или на оборотъ. Отъ этого излагаемый предметъ дѣлается не яснымъ и надобно прочесть большую часть сочиненія, чтобы составить о немъ сколько нибудь вѣрное понятіе. Кромѣ того, общій недостатокъ Китайскихъ медицинскихъ книгъ состоитъ еще въ томъ, что каждая изъ нихъ повторяетъ почти одно и то же безъ всякой перемѣны, или только съ переставкою мѣста. Исключеній изъ этого общаго недостатка найдется немного и всѣ они состоятъ лишь въ прибавкѣ какого нибудь новаго, необыкновенно счастливаго исцѣленія какой либо болѣзни, особеннымъ, загадочнымъ способомъ, или въ умноженіи чи-

сла рецептовъ, выписываемыхъ всегда изъ другихъ книгъ и т. п.

Сколько удалось мнѣ пересмотрѣть Китайскихъ медицинскихъ книгъ, всѣ онѣ состоятъ изъ статей, взятыхъ у разныхъ авторовъ и поставленныхъ одна подле другой безъ всякой связи и послѣдовательности. Послѣ выписки изъ того, или другаго сочиненія (иногда до пяти и болѣе), авторъ книги прибавляетъ, что онъ (такой-то), по глупости своей (обыкновенная фраза Китайскихъ ученыхъ, когда они хотятъ высказать свое мнѣніе) думаетъ, что мнѣніе ученаго автора такой-то книги весьма основательно и справедливо, и съ своей стороны прибавляетъ только, что кашель, напримѣръ, не всегда означаетъ страданіе легкихъ и т. п. Весь споръ, вся критика, ограничиваются всегда подобными замѣчаніями, касающимися болѣе припадковъ, или распознаванія болѣзней — двухъ предметовъ, всегда такъ сбивчиво, такъ разнообразно описываемыхъ въ Китайскихъ медицинскихъ книгахъ. До сихъ поръ еще никто изъ Китайскихъ врачей не отваживался разбирать прочность и справедливость основныхъ положеній своей медицины и доказывать могущую произойти пользу отъ измѣненія оныхъ. Все сказанное въ древнихъ медицинскихъ книгахъ признавалось всегда и вездѣ за непреложную истину, не слѣдовать которой значило бы, во всякомъ случаѣ, подвергать свои мнѣ-

нія осужденію, какъ нелѣпыя. Таково у нихъ умѣненіе въ древнему! — Полное образованіе Китайца состоитъ въ познаніи всего древняго и онъ знаетъ только то, что знали его предки за двѣсти, за тысячу лѣтъ предъ тѣмъ. Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, что Китайская медицина не подалась ни на шагъ впередъ съ тѣхъ поръ, какъ правила, положенія ея были начертаны императоромъ Хуан-ди. Китай доказываетъ собою противное принятому мнѣнію, что человѣческимъ знаніямъ суждено постепенное усовершенствованіе. Онъ, если пойдетъ назадъ въ своемъ нравственномъ и физическомъ образованіи, то остановился на той степени, до которой достигъ уже давно!

Убѣдившись, что Китайскія медицинскія книги пишутся по одному и тому же образцу, слѣдуя до послѣдняго слова опредѣленію древнихъ, для насъ истекаетъ необходимость имѣть отдѣльныя понятія о книгахъ позднѣйшаго происхожденія и о книгахъ старинныхъ. Въ тѣхъ и другихъ не найдемъ ничего особеннаго, отличительнаго, тѣмъ болѣе не узнаемъ первоначальнаго состоянія и постепеннаго усовершенствованія Китайской медицины. Все ея положенія и главныя основанія представляются намъ въ томъ же самомъ видѣ и въ книгахъ за 200, за 300 лѣтъ до сего составленныхъ, и въ книгахъ, весьма близкихъ къ настоящему времени. Для тѣхъ и другихъ служилъ одинъ и тотъ

же источникъ: книга императора Хуанъ-ди, *Нэй-цзинъ*. Слѣдовательно, говоря о медицинѣ въ Китаѣ въ настоящее время, вѣтъ необходимости говорить отдѣльно о медицинѣ въ древности.

По такому плану составлена и предлагаемая мною здѣсь статья о Китайской медицинѣ. Смѣю думать, что для любопытства нашихъ соотечественниковъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ точныхъ свѣдѣній по этому предмету, и мой трудъ, во всѣхъ отношеніяхъ слабый и недостаточный, будетъ отчасти удовлетворителенъ, какъ начало, требующее дальнѣйшаго усовершенствованія, какого можно ожидать отъ людей, которымъ случай позволить имѣть большій противъ меня досугъ и лучшія познанія въ Китайскомъ языкѣ и въ Китайской медицинѣ въ особенности!

НАЧАЛО МЕДИЦИНЫ ВЪ КИТАѢ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народы и въ первобытномъ своемъ состояніи умѣли врачевать болѣзни. Человѣкъ, одаренный разумомъ, и потому стоящій выше всѣхъ животныхъ въ нравственномъ отношеніи, далеко уступаетъ имъ въ крѣпости тѣла и въ способности переносить страданія физическія. Человѣку, по этому, суждено отъ рожденія бороться съ физическими вліяніями, которыя во всякомъ случаѣ и на здоровье совершенное, при извѣстныхъ условіяхъ, должны дѣйствовать неблагопріятно, производить въ немъ перемѣны, болѣзнь. Тотъ же разумъ училъ человѣка, какъ противостоять неблагопріятнымъ вліяніямъ природы и какъ уничтожать въ себѣ тѣ вредныя послѣдствія, которыя могли произойти отъ этихъ вліяній. У всѣхъ народовъ природа была общимъ, первоначальнымъ наставникомъ, и если бы

можно было читать исторію первобытнаго состоянія каждаго поколѣнія; то мы нашли бы самыя разнообразныя, самыя удивительныя средства, которыя избиралъ человекъ для своего самосохраненія.

Ни одинъ, можетъ быть, народъ не представляетъ такого счастливаго примѣра своей исторической самобытности, какъ Китайцы. Ихъ исторія, призванная за несомнѣнную, восходитъ до 2357 года до Р. Х., а по другимъ — до 2637 года, т. е. до 61 года царствованія императора *Хуанъ-ди*. Какъ въ исторіи другихъ народовъ, такъ и въ исторіи Китайцевъ, первобытныя времена рассказываются сбивчиво, недостоверно. По незнанію письменности, событія переходили отъ одного поколѣнія къ другому въ изустныхъ преданіяхъ и сохранялись въ такомъ видѣ до изобрѣтенія буквъ, когда эти событія были рассказаны уже письменно но безъ связи и такъ, что представляютъ больше невѣроятнаго, сказочнаго, нежели дѣйствительнаго и истиннаго. *Кунъ-фу-цзы*, единственный историкъ древняго Китая, началъ исторію его съ 2277 года до Р. Х., отвергнувъ всѣ сказанія о временахъ, до сего періода бывшихъ, какъ неосновательныя. Хотя въ классическихъ книгахъ, приписываемыхъ преданіемъ кисти *Кунъ-фу-цзы*, или его учениковъ, упоминается объ именахъ пяти императоровъ и трехъ князей; но время существованія ихъ остается неизвѣстнымъ, и только уже

историкъ *Сы-ма-цянъ*, жившій во II вѣкѣ до Р. Х., написалъ Китайскую исторію по преданіямъ, начавъ оную съ 61 года царствованія императора *Хуанъ-ди*, т. е. съ 2637 года до Р. Х. и доведши до 140 года предъ Р. Х.

Въ этой исторіи нельзя отыскать ничего касательно исторіи медицины въ Китаѣ, и собственно только въ древнихъ медицинскихъ книгахъ, именно въ книгѣ: *Хуанъ-ди-нэй-цзинъ*, вопросъ этотъ можетъ быть поясненъ отчасти. Судя по названію, показывающему имя сочинителя, и по тому, что Китайскіе врачи единогласно признаютъ императора *Хуанъ-ди* составителемъ книги *Нэй-цзинъ*, выходитъ, что медицина въ Китаѣ древнѣе самой исторіи его. Но слѣдовать убѣжденію Китайскихъ врачей и согласиться вмѣстѣ съ ними приписывать сочиненіе книги *Нэй-цзинъ* императору *Хуанъ-ди* или его времени, нельзя потому, что *Хуанъ-ди* жилъ слишкомъ давно, въ тѣ времена еще, когда Китайскій народъ стоялъ на низкой степени гражданского и умственного образованія, которому трудно приписать тѣ довольно полныя и подробныя медицинскія познанія, какія содержатся въ книгѣ *Хуанъ-ди-нэй-цзинъ*. Скорѣе всего можно предположить, что понятія о строеніи человѣческаго тѣла и леченіи его болѣзней, передававшіяся изустно отъ поколѣнія къ поколѣнію, собраны въ извѣстномъ порядкѣ гораздо

позже *Хуань-ди*, когда письменность сдѣлалась болѣе общею и приняла лучшія правила, и что составитель книги *Хуань-ди-нэй-цзинь*, только воспользовавшись страстью Китайцевъ уважать все древнее, непременно вѣрить только сказанному древними, относить начало всего ко времени императора *Хуань-ди* и приписывать ему изобрѣтеніе всѣхъ искусствъ, поставилъ къ своей книгѣ *Нэй-цзинь* имя императора *Хуань-ди*, съ цѣлю, посредствомъ этого названія, придать ей древнѣйшее происхожденіе и заставить уважать, какъ подлинное произведеніе императора *Хуань-ди*.

Не придавая большой важности открытію настоящаго имени составителя книги *Хуань-ди-Нэй-цзинь*, мы отдадимъ полное уваженіе древности медицинскихъ познаній Китайцевъ, если, не указывая гадательно на годъ выхода этой книги, отнесемъ появленіе оной къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ предъ Р. Х. или къ двумъ первымъ столѣтіямъ послѣ Р. Х. Подтвержденіе такого предположенія можно найти и въ историческихъ книгахъ, именно, что при *второй* (младшей) *Ханьской династии*, царствовавшей между 23 и 226 годами по Р. Х., существовала уже книга *Хуань-ди-Нэй-цзинь* и врачъ *Бинь*, сдѣлавъ на нее толкованіе, издалъ неизвѣстно въ какомъ именно году книгу подъ названіемъ: *Хуань-ди-Нэй-цзинь Су-ынъ* (т. е. *Нэй-цзинь* въ разговорахъ). Кромѣ

того находимъ еще замѣчаніе, что при *династии Танъ*, царствовавшей между 618 и 907 годами по Р. Х., известна была книга *Нэй-цзинъ*, состоящая изъ 19 традѣй.

Какъ бы ни были ничтожны и недостоверны источники, свидѣтельствующіе о началѣ медицины въ Китаѣ, надобно согласиться, что Китайцы имѣли достаточныя свѣдѣнія о строеніи человѣческаго тѣла и лѣченіи его болѣзней еще въ тѣ времена, когда образованность другихъ народовъ стояла на низкой степени.

Нѣкотораго рода система, принятая въ Китайской медицинѣ, отчасти даетъ поводъ предполагать: не изъ Индіи ли, вмѣстѣ съ *Брахманскою религіею*, или съ ученіемъ секты *Даосовъ*, перешли въ Китай медицинскія познанія? — Известно, что у Китайцевъ и доселѣ ни одна отрасль познаній не имѣетъ никакой системы. Послѣдователи Брахманской религіи въ Китаѣ — *Дао-ши*, около времени Р. Х., славились при дворѣ своимъ волшебствомъ, а многіе изъ нихъ искусствомъ врачеванія; въ ученіи *Даосовъ* тотъ же *Хуанъ-ди*, которому приписываютъ изложеніе медицинскихъ понятій, играетъ важную роль. Искусство врачеванія и волшебство, гаданіе, которымъ въ особенности отличались *Дао-ши*, въ прежнія времена считались въ Китаѣ за одно; что доказываетъ исключеніе медицинскихъ книгъ, вмѣстѣ съ астрологическими, изъ опредѣленія сжечь

всѣ книги, обнародованнаго императоромъ *Ши-хуан-ди* въ 213 году по Р. Х.

Но подобныя, слабыя догадки о происхожденіи Китайской медицины изъ Индіи могутъ быть опровергнуты самыми основными началами Китайской медицины, взятыми изъ началъ Китайской философіи, послужившей основаніемъ Китайской религіи — *Конфуцианства* (Жу-цзяо).

Во всякомъ случаѣ, однако, давность медицины въ Китаѣ останется несомнѣнною, какъ несомнѣнно и то, что она во всѣ времена мало измѣнялась и остается на одной и той же степени. Можно доказать примѣрами, что медицинскія познанія Китайцевъ давно уже не двигаются впередъ. Большая часть медицинскихъ книгъ, какія я имѣлъ подъ руками, вышли въ свѣтъ за 100, 200 и болѣе лѣтъ до настоящаго времени, если не брать во вниманіе многократнаго перепечатыванія ихъ безъ всякой перемѣны въ продолженіи послѣдняго столѣтія, или послѣднихъ 50, 60 лѣтъ. Во всѣхъ этихъ книгахъ, какъ я замѣтилъ выше, не говоря о главныхъ основаніяхъ медицины, описывается почти одно и то же. Чѣмъ ближе изданіе книги къ настоящему времени, тѣмъ слабѣе въ ней поясненія древнихъ положеній медицины и тѣмъ менѣе даже самыхъ примѣровъ счастливыхъ исцѣленій.

Самая древнѣйшая медицинская книга есть *Хуань-ди*

Нэй-цзинь, или иначе: *Хуань-ди*, *Нэй-цзинь*, *Су-ынъ* (т. е. *Нэй-цзинь* въ разговорахъ). Кромѣ перваго объясненія на оную, сдѣланнаго врачомъ *Бинь*, жившимъ во II вѣкѣ по Р. Х., — во время *Минской династїи*, на 24 году правленія *Ванъ-ли*, т. е. въ 1594 году, нѣкто *Чжанъ-тао* издалъ книгу *Нэй-цзинь* съ примѣчаніями нѣкотораго *Ву-кунь*. Можетъ быть выходило много другихъ изданій книги *Нэй-цзина*; но о нихъ не сохранилось никакихъ указаній. Кажется, бывшее при *Минской династїи*, въ 1594 году, изданіе *Нэй-цзина* есть послѣднее, перепечатанное въ послѣдствіи нѣсколько разъ.

Послѣ *Нэй-цзина* древнѣйшая медицинская книга есть *Нань-цзинь* — толкованіе важнѣйшихъ (трудныхъ) частей врачебной науки, состоящее изъ 81 статьи. Книга эта была въ первый разъ издана во время *мнѣю царствія* въ Китаѣ (*Лѣ-го*), въ III вѣкѣ до Р. Х., нѣкимъ *Цинь-йю-жэнь*; а при *династїи* *Сунъ*, въ IV вѣкѣ по Р. Х., перепечатана вновь *Чжанъ-ши-сянемъ*. Послѣ чего перепечатаніе ея предпринималось много . . . разъ и всегда безъ всякихъ измѣненій.

Чжунъ-цзинь-шанъ-ханъ-лунъ (о простудной лихорадкѣ) врача *Чжанъ-чжунъ-цзина*, жившаго въ I вѣкѣ по Р. Х. при *первой* (старшей) *Ханьской династїи*. Книга эта много разъ перепечатывалась и издавалась съ разными поясненіями. Въ первый разъ сдѣланы были

примѣчанія на оную *Ванъ-шу-хэ*, жившимъ въ III вѣкѣ по Р. Х.; потомъ *Гао-цзи-чунъ*, жившимъ въ IX столѣтіи по Р. Х. при династіи *Сунъ*; далѣе — въ X столѣтіи по Р. Х. пояснялъ эту книгу *Чэнь-у-и*. При настоящей *Маньчжурской династіи*, царствующей въ Китаѣ, въ правленіе *Канъ-си*, въ 1680 году, составитель книги *И-минъ-фа-люй* снова дѣлалъ примѣчанія на книгу врача *Чжэнь-чжунъ-цзиня* о простудной лихорадкѣ. Несмотря на множество поясненій на эту книгу, главныя положенія ея всегда оставались одни и тѣже и до сихъ поръ признаются за лучшія. Отличительная черта книги *Чжанъ-чжунъ-цзиня* о простудной лихорадкѣ состоитъ въ постепенномъ перечисленіи лихорадочныхъ припадковъ, сообразно ходу главныхъ кровеносныхъ сосудовъ по тѣлу.

Мы назовемъ самыя замѣчательныя изъ медицинскихъ книгъ, изданныхъ въ Китаѣ до XVII столѣтія.

Цзинъ-іо-цзоанъ-шу — полный курсъ Китайской медицины, составленный ученымъ *Чжанъ-цзъ-бинъ*, въ XVI столѣтіи, во времена *Минской династіи*, и напечатанный племянникомъ его *Жу-хой*. Это есть одна изъ лучшихъ книгъ, какія я только знаю, пользующаяся по сіе время славою между Китайскими врачами. Нигдѣ нельзя встрѣтить столько основательности въ изложеніи, какъ въ книгѣ *Цзинъ-іо-цзоанъ-шу*. Если можно въ чемъ упрекнуть составителя ея, такъ это —

въ излишнемъ пристрастіи къ лѣкарствамъ укрѣпляющему и къ произведенію всѣхъ почти болѣзней отъ причинъ ослабляющихъ, угнетающихъ.

Дукъ-и-бао-цзянь — курсъ медицины, составленный въ Корей ученымъ Корейцемъ *Сюй-цзюнь*, перепечатанный безъ всякаго измѣненія въ Китаѣ сначала при *Минской династіи* въ правленіе *Ванъ-ли*, т. е. около 1500 года, ученымъ *Панъ-юй*; потомъ при настоящей *Маньчжурской династіи*, на 31 году правленія *Цянъ-лунъ*, т. е. въ 1766 году. Представленные въ этомъ сочиненіи медицинскія понятія сходны съ излагаемыми въ медицинскихъ книгахъ, изданныхъ въ Китаѣ. Отличіе состоитъ въ объясненіи нѣкоторыхъ фізіологическихъ и патологическихъ явленій по началамъ *Даоской* (Индобрахманской) религіи. Какъ на недостатокъ этой книги, можно указать на преобладаніе рецептовъ противъ подробности описанія болѣзней и на излишнюю вѣру въ лѣкарства, находящіяся подъ вліяніемъ духовъ. Книга эта до сихъ поръ славится, какъ одно изъ лучшихъ медицинскихъ сочиненій, и издается въ Корей особеннымъ форматомъ, на особенной бумагѣ, приготовляемой изъ коры *broussaneticae papyriferae*. Изданіе китайское схоже съ обыкновенными китайскими книгами.

Чжанъ-ши-лэй-цзинъ — курсъ медицины, составленный при *Минской династіи*, на 4 году правленія

Гань-ци, т. е. въ 1624 году, ученымъ *Чжань-цзю-бики*, авторомъ книги *Цзинь-ю-цюань-шу*. Сочиненіе это послѣ выхода своего было многократно перепечатываемо безъ всякаго измѣненія. Главное отличіе его состоитъ въ особенномъ направленіи — раздѣлять всѣ болѣзни на болѣзни съ излишествомъ и на болѣзни съ ослабленіемъ, считая послѣднія однимъ изъ частѣйшихъ золъ, убивающихъ людей, и приписывая укрѣпляющимъ лѣкарствамъ всю заслугу въ исцѣленіи болѣзней.

Шоу-ши-бао-юань — руководство къ медицинѣ, изданное между XV и XVI столѣтіями при *Минской династіи* ученымъ *Гунь-юнь-линь* и перепечатанное безъ всякаго измѣненія въ послѣднихъ двухъ столѣтіяхъ, при настоящей *Маньчжурской династіи*. Сочиненіе это въ большемъ употребленіи у теперешнихъ Китайскихъ врачей, какъ самое удобное, по своей краткости, для первоначальнаго изученія медицины.

Ли-пинь-ху-мо-цзѣ — о пульсѣ, ученаго *Ли-ши-чжэня*. Книга эта составлена по понятіямъ о пульсѣ, кои предложены отцемъ сочинителя, *Юй-си*, и издана при *Минской династіи*, на 43 году правленія *Цзя-цзиня*, т. е. въ 1564 году. Въ послѣдствіи она была нѣсколько разъ перепечатываема безъ всякихъ измѣненій. Сочиненіе *Ли-ши-чжэня* о пульсѣ почитается образцовымъ, и никто лучше его не разбиралъ

съ такою подробностію и основательностію различія біеій пульса, и не показалъ важность этого различія при распознаваніи болѣзней и назначенія лѣкарствъ.

Янь-кэ-лунь-му-лунь—окулистика, составленная *Чжу-си-цуй* и напечатанная иждивеніемъ *Вань-вынь* при *Минской династіи*, на 3 году правленія *Вань-ли*, т. е. въ 1575 году. Какъ сочиненіе, заключающее въ себѣ отдѣльную часть медицины, книга эта можетъ быть одобрена только за обширное собраніе рецептовъ и разныхъ глазныхъ болѣзней, ими излѣчиваемыхъ; главнымъ же понятіямъ, о медицинѣ вообще и объ анатоміи глаза въ частности, остались въ ней тѣже самыя, какія преподаются въ древнѣйшихъ медицинскихъ книгахъ.

Янь-кэ-да-цюань—окулистика, составленная *Фу-жэнь-юй*, жившимъ при концѣ *Минской династіи*, на 17 году правленія *Чунъ-чжэнь*, т. е. въ 1644 году. Книга эта ничѣмъ особенно не отличается отъ показанной выше окулистки.

Доу-тай-лунъ-цюань-шу — наружныя болѣзни, сочиненія *Доу-юй-цзинь*, жившаго въ началѣ IX столѣтія при династіи *Сунъ*. Книга эта служила образцомъ для сочиненій о наружныхъ болѣзняхъ, издаваемыхъ въ послѣдующее время, и кромѣ полноты, которою она отличается отъ сочиненій подобнаго рода, въ ней можно находить лучшій порядокъ въ описаніи признаковъ болѣзней. При настоящей *Маньчжурской*

династии, на 56 году правленія *Кань-си*, т. е. въ 1717 году, сочиненіе это было перепечатано *Хун-чжан-ли* и *Чэнь-ю-гунь* и издано съ рисунками, отличающимися особеннымъ безобразіемъ представляемаго предмета и неясностью.

Ню-ма-цзинь — ветеринарная Китайская медицина, заключающая описаніе болѣзней домашняго скота, преимущественно же лошадей и рогатаго скота. Въ предисловіи этого сочиненія сказано, что оно было издано при *Минской династии* (между XV и XVI столѣтіями) двумя братьями — *Юй-бэнь-юань* и *Юй-бэнь-хэнь* и перепечатано въ послѣдній разъ при настоящей *Маньчжурской династии*, въ первый годъ правленія *Цянъ-лунъ*, т. е. 1736 года. Это есть единственная книга по части *ветеринарной медицины*. Ни прежде, ни послѣ ея не издавалось ничего въ этомъ родѣ. Изложенныя въ ней понятія сходны съ понятіями древнѣйшей медицинской книги: *Хуань-ди-лэ-цзинь*. Важнѣйшую часть ея составляетъ описаніе болѣзней домашняго рогатаго скота, включая сюда буйвола, называемаго водянымъ быкомъ, и болѣзней верблюда и лошади. Краткость и безсвязность изложенія, разногласіе и неточность въ названіяхъ болѣзней, встрѣчаются на каждой страницѣ этой книги, хотя при началѣ описанія каждой болѣзни приложено изображеніе животнаго, показывающее отли-

чательный наружный признакъ описываемаго недуга, взятый съ положенія тѣла, принимаемаго животнымъ при извѣстной болѣзни. Китай, по физическому положенію особенно южной его части, и по образу жизни своего народа, никогда не могъ быть страной, въ которой-бы процвѣтало скотоводство; а потому не удивительно, что ветеринарная медицина его была во всѣ времена на низкой степени и сохранилась въ одномъ только сочиненіи — *Ню-ма-цзинь*.

Говорять, что подлинный составитель книги — *Ню-ма-цзинь* былъ знаменитый врачъ *Хуа-то*, жившій во времена *тросцарствія* въ Китаѣ (Сань-го), т. е. между 221 и 265 годами по Р. Х. и извѣстный какъ отличный хирургъ того времени. Онъ же будто бы написалъ книгу о человѣческихъ болѣзняхъ, но которая не дошла до настоящаго времени по слѣдующей причинѣ. — Извѣстный полководецъ временъ *Троецарствія* (Сань-го) по имени *Цао-цао*, страдавшій часто головою болью, много разъ съ успѣхомъ пользовался пособіемъ *Хуа-то*; но когда въ послѣдствіи болѣзнь перестала уступать прежнимъ средствамъ, то *Хуа-то* предложилъ *Цао-цао* — вскрыть (!) черепъ, дабы удалить изъ головы его причину болѣзни. Такой способъ лѣченія почли покушеніемъ на жизнь знаменитаго полководца, и *Хуа-то* сначала заключили въ тюрьму, а потомъ приговорили къ смертной казни.

За ласковое обращеніе тюремнаго стража *Хуа-то* отдалъ ему передъ смертію писанные свои свитки о болѣзняхъ и лѣченіи ихъ у человѣка и домашнихъ животныхъ. Получивши такой подарокъ, стражъ отдалъ свитки на сохраненіе жёнъ своей, какъ драгоценность, могущую ихъ обогатить. Когда наступилъ день казни *Хуа-то*, жена стража, боясь, что и ея мужъ подвергнется подобной же участи за лѣченіе болѣзней по способу *Хуа-то*, бросила въ огонь полученные отъ него свитки, откуда на ту пору возвратившійся домой мужъ ея могъ спасти одинъ только свитокъ, именно — о лѣченіи болѣзней домашнихъ животныхъ, т. е. *Ню-ма-цзинъ*; другой же — о лѣченіи болѣзней человѣка, сгорѣлъ. Таковъ разсказъ объ участи сочиненій *Хуа-то*, за достовѣрность котораго ручаться не смѣю!

Бэнь-цао-танъ-му: естественная исторія съ приложеніемъ ея къ медицинѣ, составленная знаменитымъ Китайскимъ ученымъ — *Ли-ши-чжэнь*, жившимъ во время *Минской династіи*, на 24 году правленія *Ванъ-ли*, т. е. 1596 года, и перепечатанная потомъ при настоящей *Маньчжурской династіи*, на 12 году правленія *Шунь-чжи*, т. е. 1655 года, нѣкоторымъ *Ву-люй-чанъ*. Въ этой книгѣ описываются какъ употребляемые, такъ и не употребляемые въ медицинѣ средства изъ трехъ царствъ природы, ихъ вкусъ, лечеб-

ное свойство и болѣзни, ими излѣчиваемыя. *Бен-цзе-лань-му* отличается отъ другихъ подобнаго рода книгъ точностію описанія наружнаго вида растений и животныхъ, и этимъ достоинствомъ она обязана сочинителю своему *Ли-ши-чжэнь*, который, зная многое самъ, по части естественныхъ предметовъ, все ненужное, хотя и признанное въ другихъ сочиненіяхъ, отдѣлилъ отъ истиннаго и представилъ въ своей книгѣ подъ особую статью, давъ тѣмъ возможность отыскивать, скоро и безошибочно, самое нужное между ненужнымъ и ложнымъ. Я не знаю ничего лучше изъ китайскихъ книгъ, по части естественной исторіи, этой книги *Ли-ши-чжэнь*. Въ ней находится также собраніе множества рецептовъ, испытанныхъ въ разное время при лѣченіи болѣзней, способъ и время собиранія растений, назначаемыхъ для медицинскаго употребленія.

Книги, вышедшія въ послѣдніе два столѣтія, при настоящей Маньчжурской династіи, суть:

И-цзунь-цзинь-цзиль — зеркало, или полный курсъ медицины, составленный при медицинскомъ приказѣ (*Тай-и-юань*) по повелѣнію Китайскаго императора и изданный на казенный счетъ въ 4 году правленія *Цянъ-лунъ*, т. е. въ 1739 году. Главное участіе въ составленіи этой книги принималъ *Ву-цань*, имѣвшій помощниками нѣсколькихъ врачей, состоявшихъ въ

придворной службѣ. Большую часть этого сочиненія занимаютъ трактаты о простудной лихорадкѣ, описанные со всею подробностію изъ другихъ сочиненій. Замѣчательнъ его упрощенный способъ — запоминать лѣченіе болѣзней: вмѣсто описанія припадковъ болѣзни и средства лѣченія ихъ, выставляется названіе декокта, порошка, или пилюль, излѣчивающихъ ту или другую болѣзнь, подъ которыми должно разумѣть всѣ тѣ припадки, которыми характеризуется извѣстная болѣзнь. Это сколько затруднительно для памяти изучающаго медицину, столько же утомительно для читающаго, поставленнаго въ необходимость, почти на каждой страницѣ, отыскивать, какіе именно припадки и какая болѣзнь разумѣются подъ такимъ-то декоктомъ, пилюлями и т. д. Съ большею подробностію описаны въ книгѣ *И-цзунъ-цзинъ-цзянь* наружныя болѣзни, представленныя въ рисункахъ. Въ отдѣленіи наружныхъ болѣзней прибавленъ трактатъ о переломахъ и лѣченіи ихъ, чего нельзя найти ни въ одномъ изъ полныхъ курсовъ медицины. Лѣкарства, предлагаемыя въ книгѣ *И-цзунъ-цзинъ-цзянь* для излѣченія болѣзней, принадлежатъ къ легкимъ, не героическимъ: равно какъ и пріемъ этихъ лѣкарствъ означенъ умеренный, если уже не слишкомъ малый, сравнительно съ пріемомъ лѣкарствъ, принятымъ въ частной практикѣ. Назначеніе простыхъ лѣкарствъ и малаго пріема оныхъ —

въ книгѣ *И-цзунъ-цзинъ-цзянь* зависитъ, вѣроятно, отъ того, что эта книга назначалась первоначально для руководства врачамъ, занимающимся придворною практикою, въ которой должно соблюдать большую осторожность при выборѣ лѣкарствъ и назначеніи ихъ приѣма. Несмотря на это, книга *И-цзунъ-цзинъ-цзянь* не въ большемъ ходу между частными, практикующими врачами; чему причиною, отчасти, и самая дороговизна ея. Общими понятіями и положеніями книга *И-цзунъ-цзинъ-цзянь* не отличается отъ другихъ медицинскихъ книгъ.

Цзи-инъ-танъ-му: о женскихъ болѣзняхъ, составленная при настоящей Маньчжурской династіи, на 6 году правленія *Юнь-чжэнь*, т. е. 1728 года, нѣкоторымъ *Ву-сю-цинъ*. Довольно не полное сочиненіе, ограничивающееся описаніемъ однѣхъ болѣзней женщинъ, не касаясь періода зачатія, родовъ и послѣ — родового состоянія.

Винъ-и-тло-бянь — о горячкахъ. Книга, вышедшая также при настоящей Маньчжурской династіи, на 18 году правленія *Цзя-цинъ*, т. е. 1813 года. Сочинитель ея есть нѣкто *Ву-танъ*. Взглядъ на горячечныя болѣзни, предложенный въ этомъ сочиненіи, довольно одностороненъ и мало отступаетъ отъ изложеннаго врачомъ *Чжанъ-чжунъ-цзинъ*, въ его книгѣ о простудной лихорадкѣ.

И-минь-тай-цзо: поправки ошибокъ медицины. Небольшая книга, вышедшая на 10 году правленія **Дао-гу-ань**, т. е. въ 1830 году. Сочинитель ея есть **Ван-цинъ-жэнь**, правитель одного уѣзда. **И-минь-тай-цзо** есть одна изъ самыхъ новыхъ медицинскихъ книгъ и притомъ самыхъ дурныхъ. Сочинитель ея, желая поправить несообразности въ анатомическихъ понятіяхъ, издавна принятыхъ, впалъ еще въ большія ошибки и, вмѣсто поясненія, далъ худшія понятія о строеніи человеческого тѣла. Чтобы придать болѣе вѣроятія своимъ поправкамъ, сочинитель замѣчаетъ, что онъ не есть его выдумка : а что онъ самъ дѣйствительно видѣлъ строеніе внутренностей человѣка, на трупахъ дѣтей, умершихъ оспою и оставленныхъ за городскою стѣною. Кромѣ анатомическихъ свѣдѣній, въ концѣ книги прибавлена статья о лѣченіи паралича. Несмотря на негѣности, рассказываемыя въ этой книгѣ, многіе врачи въ Китаѣ вѣрятъ словамъ ея.

Чжэнь-цзю-да-чэнь: иглоукалываніе и мокса, составленная неизвѣстно въ какое время нѣкоторымъ **Цзинь-самъ** и перепечатанная, неизвѣстно въ которомъ году, чиновникомъ **Лю-юп-пуй**, бывшимъ на должности прокурора при доставленіи сарачинскаго пшена по императорскому каналу, съ юга въ Пекинъ, въ губерніи **Цзямь-си**. Судя по должности издателя, надобно полагать, что **Чжэнь-цзю-да-чэнь** была перепечатана уже

при настоящей Маньчжурской династии. Главныя медицинскія положенія въ этой книгѣ остаются тѣже самыя, какія были въ древнее время и какія преподаются во всѣхъ медицинскихъ книгахъ. Самыя правила иглоукалыванія и приложенія моксы отличаются отъ содержащихся въ книгѣ *Хуань-ди-Нэй-цзинь* только большими ссылками на другія сочиненія, а не лучшею подробностію и тѣмъ менѣе своею особенностію. Но вообще книга *Чжэнь-цзю-да-чэнъ*, есть одно изъ полнѣйшихъ руководствъ для занимающихся иглоукалываніемъ. Въ концѣ книги прибавлены способы лѣченія дѣтскихъ болѣзней, особенно же разныхъ видовъ сухотки, посредствомъ травъ, прижиманій и другихъ ручныхъ приемовъ.

Доу-чжэнь-хой-тунъ: о кори и оспѣ — книга, составленная при настоящей Маньчжурской династии, на 51 году правленія *Цянъ-лунъ*, т. е. въ 1786 году, нѣкоторымъ *Тянь-динъ-сянь*.

Доу-чжэнь-динъ-лунъ: о кори и оспѣ, небольшая книга, изданная въ 15 году правленія *Дао-гуанъ*, т. е. въ 1835 году, *Чэнь-ши-юнь*.

Это только два сочиненія о кори и оспѣ, изъ многихъ подобнаго рода книгъ, изданныхъ въ разное время. Китайскіе врачи, какъ будто видя жестокія опустошенія, причиняемыя оспою, обратили особенное вниманіе на эту болѣзнь и старались умноженіемъ

сочиненій объ оспѣ помочъ бѣдѣ. Но кажется эти намѣренія не всегда достигали цѣли. Во всѣхъ книгахъ объ оспѣ, какъ новыхъ, такъ и старыхъ, ничего особеннаго не предлагается для лѣченія этой болѣзни, и даже ни въ одной изъ нихъ нельзя найти хорошаго и полнаго описанія наружныхъ признаковъ ея. Оспа до сихъ поръ, по прежнему, существуетъ и до тѣхъ поръ будетъ убавлять Китайское народонаселеніе, пока обнародованный Англичанами, лѣтъ за 15 предъ симъ, на Китайскомъ языкѣ способъ прививанія коровьей оспы не сдѣлается всеобщимъ въ Китаѣ, и пока Китайцы не повѣрятъ возможности предотвратить ямъ появленіе натуральной оспы.

Къ сожалѣнію, изданная Англичанами брошюра сдѣлалась теперь рѣдка и мнѣ не удалось получить оной.

Да-шэнъ-пьянъ : наставленіе беременнымъ и родильницамъ, изданное нѣкоторымъ *Ни*, неизвѣстно въ какое время. Эта небольшая книжечка, написанная легкимъ, удобопонятнымъ языкомъ, составляетъ необходимую принадлежность во всякомъ порядочномъ, семейномъ домѣ, и была уже много разъ перепечатываема сострадательными людьми на собственный счетъ, и раздается безденежно кому угодно.

Кромѣ показанныхъ медицинскихъ сочиненій, можно бы было выставить еще нѣсколько имъ подобныхъ,

находящихся въ большемъ или меньшемъ употребленіи между Китайскими врачами; но число въ этомъ случаѣ мало бы отвѣчало за качество и не пояснило бы лучше и болѣе главныхъ основаній Китайской медицины. Прежде я замѣтилъ уже, что старыя и новыя книги въ Китаѣ (медицинскія, долженъ я прибавить) мало различаются между собою, какъ въ отношеніи полноты объясненія излагаемаго предмета, такъ и въ отношеніи различія понятій объ этомъ предметѣ. Въ Китаѣ какъ будто всему опредѣлено вѣчно существовать въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ! Что же касается до критическаго взгляда на предметъ, до повѣрки оставшихся отъ древности понятій, до замѣны ихъ новыми; то ни одинъ еще изъ сочинителей позднѣйшаго времени не доходилъ до такого намѣренія, почитая его посягательствомъ на уважаемую древность, или вѣрнѣе излишнимъ, послѣ тѣхъ медицинскихъ познаній, какія онъ почерпнулъ изъ переданнаго ему отцемъ, дѣдомъ, руководства медицины. И для насъ, поэтому, исчезаетъ какъ разность между древними и новыми медицинскими книгами, такъ и необходимость знать содержаніе многихъ изъ нихъ, особенно послѣдняго рода; тѣмъ болѣе, какъ я сказалъ выше, что основныя положенія медицины остаются всюду одни и тѣже, безъ всякаго измѣненія, будетъ ли книга принадлежать древнему, или новѣйшему времени, содержать въ себѣ отдѣльную

какуюнибудь часть медицины, или составлять полный курсъ ея.

СОСЛОВІЕ КИТАЙСКИХЪ ВРАЧЕЙ И ИХЪ ОБРАЗОВАНИЕ.

Медицинское образованіе, какъ надобно полагать, отставало во всѣ времена отъ такъ называемаго знанія китайской словесности, древнихъ классическихъ книгъ, посвященія собственно, какъ стали понимать его Китайцы въ послѣдующія времена. Это видно изъ настоящаго положенія того и другаго, изъ того участія, какое принимало китайское правительство въ распространеніи знанія китайской словесности, и изъ совершеннаго равнодушія къ знанію медицины. Во всѣ времена, въ Китаѣ существовали особые правила и учрежденія, руководствовавшія занимающихся изученіемъ отечественной словесности; медицина же всегда оставалась свободнымъ искусствомъ, не принадлежа ни какой особенной кастѣ людей, не подчиняясь никакимъ особеннымъ уставамъ. Умѣющій врачевать, вмѣстѣ съ тѣмъ могъ быть и служащимъ человекомъ, занимать какуюнибудь должность въ государствѣ, военную или гражданскую; какъ это видимъ, читая предисловія многихъ медицинскихъ книгъ, сочинителей коихъ были: или правители какогонибудь уѣзда, или состояли на должности въ какомънибудь выс-

шемъ правительственномъ мѣстѣ, въ столицѣ. Такъ, напримѣръ : знаменитый въ исторіи медицины *Цзинь-е*, сочинитель книги : *Цзинь-е-цзюань-шу*, былъ гражданскій чиновникъ и писалъ медицинскія книги, лѣчилъ больныхъ, по собственному признанію, не бывъ врачомъ. Славный *Ли-ши-чжэнь*, сдѣлавшій такъ много для китайской медицины, въ особенности же изданіемъ естественной исторіи и сочиненія о пульсѣ, былъ также собственно не врачъ. Кореецъ *Сюй-цзюнь*, написавшій полный курсъ медицины, подъ заглавіемъ *Дунъ-и-бао-цзэнь*, былъ извѣстенъ въ своемъ государствѣ болѣе какъ учевый, нежели какъ врачъ. Тоже видимъ и теперь. Для занимающихся китайскою словесностію, древними классическими книгами, написаны правительствомъ подробныя правила и уставы, касающіяся до полученія той, или другой ученой степени. Ничего подобнаго не существуетъ для занимающихся медициною. Первымъ предоставлены права полученія должностей, сообразно пріобрѣтенной по экзамену ученой степени, и дальнѣйшее повышеніе на службѣ; для занимающихся медициною подобныхъ правъ не существуетъ. Такъ ведется издавна. Только въ послѣдствіи, при *Минской династии*, за два съ небольшимъ столѣтія до сего, былъ учрежденъ *медицинскій приказъ* (тай-и-юань), открывшій врачамъ дорогу для поступленія на службу. По первоначальному учрежде-

нію этого приказа, всякій желающій поступить въ оный на службу долженъ былъ сначала выдержать экзаменъ, состоящій въ написаніи довольно правильнаго разсужденія, по заданной темѣ, о какой нибудь болѣзни и ея лѣченіи. Получившій удовлетворительныя отмѣтки могъ зачисляться въ составъ врачей при медицинскомъ приказѣ, не имѣя никакой прямой обязанности, которая предоставляется уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, и то только тѣмъ изъ числящихся при медицинскомъ приказѣ врачамъ, которые снова выдержатъ удовлетворительный экзаменъ. Получившіе лучшіе отмѣтки, по второму экзамену, переводятся въ придворную службу и состоятъ врачами или при особѣ Китайскаго Императора, или придворнаго штата. Такъ было прежде; но со времени усиленія злоупотребленій въ Китаѣ экзамены дѣлаются только для вида и придворныя вакансіи раздаются по проскамъ.

Вліяніе медицинскаго приказа распространяется только на врачей, находящихся въ придворной службѣ; званіе же частнаго врача, какъ въ прежнее время, такъ и теперь предоставлено каждому желающему и вотъ почему можно встрѣтить между практикующими частными врачами людей всякаго званія: и чиновниковъ, разжалованныхъ и съ потерєю должности лишившихся средствъ къ пропитанію, и сидѣльцевъ аптекарскихъ лавокъ, получившихъ отъ долговремен-

ной продажи лѣкарствъ нѣкоторые навѣкъ прописывать рецепты, и живописцевъ, которымъ не посчастливилось въ своемъ ремеслѣ, а равно деревенскихъ грамотныхъ мужиковъ, особенно же между углоукалывателями, которымъ показалось легче и удобнѣе зарабатывать насущный хлѣбъ съ иглою въ рукѣ, нежели съ заступомъ, и т. д. Правительство никогда не издавало особыхъ постановленій, опредѣляющихъ право вступленія въ званіе вольно-практикующаго врача. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что при многочисленности въ Китаѣ, при большомъ числѣ рукъ, устремленныхъ къ одному ремеслу и мало вознаграждаемыхъ за трудъ свой, много находится желающихъ заниматься лѣченіемъ болѣзней. Въ самомъ дѣлѣ, въ Китаѣ ничего не можетъ быть лучше для прикрытія своего невѣжества, какъ званіе врача, позволяющее легко и безъ труда улучшить свое состояніе, при замѣчательной наклонности Китайскаго народа — отъ всего и у всѣхъ лѣчиться, было-бъ только дёшево.

Что въ Китаѣ много врачей, доказываетъ намъ Пекинъ. Идите по любой улицѣ его, большой или малой, вамъ представятся по обѣимъ сторонамъ десятки разноцвѣтныхъ вывѣсокъ: висящихъ надъ окнами и надъ дверями домовъ. То съ прозваніемъ врача, то съ льстивыми надписями, прославляющими искусство его,

подносимыми услужливыми пріятелями, или пациен-
тами. На одной улицѣ, гдѣ стоитъ наше Русское
подворье, можно насчитать до девяти подобныхъ вы-
вѣсокъ, на пространствѣ $\frac{1}{2}$ версты. Это и безъ
статистическихъ данныхъ показываетъ, какое множе-
ство врачей въ Пекинѣ!

Во всѣ времена, медицина въ Китаѣ занимала
средину между ремесломъ и занятіемъ близкимъ
къ учености, изученіемъ классическихъ книгъ; между
кабалистическою и умѣньемъ врачевать. Мы можемъ
убѣдиться въ томъ, что въ извѣстное время меди-
цина была уже считаема въ Китаѣ наукою по-
лезною, уже изъ того факта, что, когда въ 213
г. по Р. Х., по повеленію императора *Ши-хуан-
ди*, были сожжены всѣ книги историческія и фило-
софскія, какъ вредныя для народной нравственно-
сти, то изъ этого приговора были исключены
книги медицинскія и астрологическія, какъ полез-
ныя для людей. И до сихъ поръ — пуститься въ
занятіе медициною, предпринявъ это, какъ трудъ добро-
совѣстный, поддерживаемый одною любовію къ пред-
мету (чего, можетъ быть, и не легко найти въ Китаѣ),
называется въ народѣ: *итти малюу дороюу* (слю-дао),
въ противоположность съ занятіемъ Китайскою сло-
весностію, что называется: *итти большюу дороюу*
(ла-дао). Въ деревняхъ, въ городахъ мало-людныхъ

одинъ и тотъ же человекъ есть вмѣстѣ и астрологъ, гадающій по *И-цзю* (самая древнѣйшая Китайская книга — о Богѣ и Естествѣ) о достоинствѣ, благополучіи мѣста, выбираемаго подъ домъ, кладбище и т. д., о будущей судьбѣ человека, его счастья и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ врачъ, излѣчивающій всѣ возможныя болѣзни. Все это доказываетъ, что медицина въ Китаѣ, съ давнихъ временъ и доселѣ, составляла свободное занятіе, неограниченное никакими государственными постановленіями, для котораго не требовалось и не требуется никакого свидѣтельства отъ извѣстнаго мѣста, правительствомъ учрежденнаго, ручающагося за умѣнье лѣчить болѣзни. Отъ этого произошло : что классъ врачей въ Китаѣ былъ всегда многочисленъ, что въ немъ попадались часто люди, несвѣдущіе не только въ медицинѣ, но неимѣющіе достаточнаго первоначальнаго образованія, смотрѣвшіе на свое занятіе, единственно какъ на средство къ существованію. Знаніе раздробилось на множество самыхъ разнообразныхъ видовъ, подъ которыми тѣмъ удобнѣе было скрываться шарлатанству. Явились продавцы разныхъ секретовъ, которыми народъ, всегда излишне суевѣрный въ Китаѣ, лѣчится съ большою охотою, нежели лѣкарствами, рекомендованными въ медицинскихъ книгахъ. Отъ успѣха секретныхъ лѣкарствъ упало довѣріе къ врачамъ ис-

тиннымъ въ народѣ, который тѣмъ скорѣе покупалъ извѣстный секретъ, чѣмъ болѣе было таинственности въ составѣ, формѣ и даже въ самомъ приѣмѣ его.

При такомъ направленіи медицины съ давнихъ временъ, трудно было ожидать усовершенствованія врачебнаго искусства въ Китаѣ. Оно и оставалось всегда въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ сохранилось въ древнѣйшихъ книгахъ, и остается такимъ до сихъ поръ, если еще не утратило много того, что знало прежде. Сдѣлавшись достояніемъ людей, болѣею частію мало-образованныхъ, медицина никогда не могла найти, въ числѣ занимающихся ею, человѣка, который бы могъ хорошо изслѣдовать ея источники и составить полное руководство къ правильному изученію ея. И въ медицинской литературѣ можно замѣтить, что большая часть писавшихъ о медицинѣ были собственно не врачи; а люди, для которыхъ медицина была постороннимъ занятіемъ, которые слѣдовательно были мало знакомы съ предметомъ, и при изданіи книги руководствовались болѣе пустымъ тщеславіемъ — прослыть сочинителемъ, нежели истинными пользами человѣчества. Можно указать на живые примѣры въ доказательство этого. Одинъ изъ Маньчжуровъ въ Пекинѣ, человѣкъ, занимавшій некогда высшія должности въ государствѣ и, между прочимъ, мѣсто президента въ медицинскомъ приказѣ, но теперь

не служащій, написалъ, какъ слышно, медицинскую книгу, нѣчто въ родѣ полнаго руководства, и намѣренъ выдать ее въ свѣтъ. Когда-то, во время начала своего поприща, ему посчастливилось отрекомендовать одно лѣкарство для кого-то изъ Богдоханской фамиліи. Случайно лѣкарство произвело желаемый успѣхъ, и съ этимъ вѣстѣ началась слава рекомендателя, какъ врача, и его собственное убѣжденіе въ своемъ медицинскомъ искусствѣ. Говорятъ, что въ слѣдъ за этимъ начался и блестящій рядъ высшихъ должностей, данныхъ Богдоханомъ этому лицу, достигшему до званія главы медицинскаго приказа. Я лично познакомился съ этимъ человѣкомъ послѣ упадка уже его, когда онъ потерялъ всякую надежду на прежнюю милость и возвышеніе; но не потерялъ еще охоты — слыть знатокомъ медицины. Много разъ мнѣ случалось говорить съ нимъ о любимомъ его предметѣ, и всегда я узнавалъ въ немъ плохого знатока медицины. Въ страницъ книги *И-цзунъ-цзинъ-цзянь*, ему ничего не извѣстно, но кажется въ особенное достоинство онъ поставлялъ себя — знаніе множества рецептовъ изъ разныхъ книгъ. Вотъ каковъ сочинитель будущаго руководства медицины. Я слышалъ даже, что книга составляется трудами нѣсколькихъ врачей и ученыхъ (*сянь-шэнь* — прежде родившіяся), имена которыхъ, какъ сотрудниковъ, а не сочинителей, ставятся, при изданіи книги,

послѣ имени самаго издателя. Такъ большею частію пишутся въ Китаѣ и не одні медицинскія книги.

Отъ настоящаго поколѣнія врачей медицина еще менѣе можетъ ожидать для своего усовершенствованія! И что могутъ сдѣлать для нея люди, которые вступаютъ въ званіе врача большею частію въ лѣтахъ уже зрѣлыхъ, не получивъ даже и простаго, предварительнаго образованія, зная наизусть только одну какую нибудь сокращенную медицинскую книгу. Мало можно встрѣтить такихъ людей между теперешними Китайскими врачами, которые бы съ малолѣтства занимались медициною, подъ руководствомъ отца, дѣда и т. д.,—получившихъ по наслѣдству тоже отъ своихъ отцевъ, дѣдовъ, наставленія въ искусство врачеванія. Но что же за знанія у такихъ врачей? Имъ всегда дается выучивать наизусть одна какая нибудь медицинская книга, доставшаяся по наслѣдству и, какъ кормилица, передаваемая изъ рода въ родъ. Изъ нее то молодой врачъ почерпаетъ всю конечную медицинскую мудрость, практикуясь иногда, подъ руководствомъ родителя, учителя и т. д. на рукахъ приходящихъ на домъ больныхъ, въ изслѣдованіи біеній пульса. Этимъ оканчивается все медицинское образованіе, съ которымъ всякій почитаетъ себя въ возможности (послѣ смерти отца или при старости его, а если позволитъ бѣдность, талантливость, учинное говорить, и

того ранѣе) заняться дѣйствительнымъ лѣченіемъ болѣзней. Такого рода врачи могутъ похвастаться самыми образованными между своей братіи и я по опыту знаю, что большая часть изъ нихъ знаетъ исключительно одно какое нибудь руководство къ медицинѣ, особенно же рецептурную часть его, почитая излишнимъ имѣть понятіе о нѣсколькихъ авторахъ. Но и въ этомъ знаніи преобладаетъ выучка наизусть надъ разсужденіемъ, такъ-что возьмите любого изъ Китайскихъ врачей: онъ будетъ не въ состояніи — здраво, со смысломъ, объяснить главныхъ основаній своего предмета; онъ знаетъ его по частямъ, отъ слова до слова, какъ написано въ выученной имъ книгѣ, но не можетъ представить всего этого въ общей связи.

Еще менѣе можно сказать въ пользу остальной части Китайскихъ врачей, которая едва ли не многлюднѣе первой и состоитъ большею частію изъ людей, по обстоятельствамъ перемѣнившихъ первоначальное свое занятіе на званіе врача. Между такого рода врачами находятся люди всякаго званія и ремесла; какъ я замѣтилъ выше: разжалованные чиновники, сидѣльцы аптекарскихъ лавокъ, раззорившіеся купцы, деревенскіе мужики, особенно въ числѣ поглокалывателей, гадатели (часто присоединяющіе къ своему искусству искусство врачеванія болѣзней); *дао-ши* (особенной секты отшельники), Туркестанцы, нѣкогда

завоеванные Китайцами и поселившіеся въ разныхъ провинціяхъ Китая, и т. д., и т. д. Большая часть этихъ людей назвалась врачами въ лѣтахъ зрѣлыхъ и имѣеть самыя ограниченныя познанія въ медицинѣ, а часто никакихъ, рассчитывая, въ послѣднемъ случаѣ, на Китайское суевѣріе, или излѣчивая болѣзни особеннымъ, никому неизвѣстнымъ составомъ. Изъ этого-то класса врачей происходятъ такъ называемые продаватели разныхъ секретовъ, пластырей, пилюль, порошковъ и т. п.; а равно иглоукалыватели, располагающіеся по ярмаркамъ, бывающимъ въ извѣстные дни въ кумирняхъ или капищахъ разныхъ частей города, либо на многолудныхъ улицахъ, съ своимъ товаромъ, приглашая народъ краснорѣчивыми похвалами своему секрету. — Туркестанцы, продающіе пластыри, излѣчивающіе всѣ возможныя болѣзни, объясняютъ, между прочимъ, собравшейся толпѣ по раскрашеннымъ рисункамъ анатомію человѣческаго тѣла, наружныя и даже внутреннія болѣзни. — Иглоукалыватели располагаются всегда на улицахъ близъ старой, изломанной телеги, брошенной безъ употребленія, окруживъ себя нѣсколькими скамейками. Прежде, нежели соберется порядочная толпа народа, иглоукалыватели въ молчаніи перебираютъ свои инструменты: когда же разставленные кругомъ скамейки начнутъ замѣщаться зрителями, то хромающими, то съ под-

вязанными руками, а большею частию совершенно здоровыми, пришедшими только отъ скуки, позѣвать, послушать: начинается тирада о томъ, что онъ, по фамиліи такой-то, родомъ изъ губерніи *Шань-дунъ* (откуда большею частию выходятъ иглоукальватели), такого-то уѣзда, прямой потомокъ знаменитаго иглоукальвателя *Ли* (отъ котораго ведется обычай у всѣхъ иглоукальвателей — становиться на улицахъ близъ изломанной телѣги и придавать къ своей фамиліи, для привлеченія народа, слово *чэ* — телѣга); столько уже лѣтъ занимается со славою иглоукальваніемъ, недавно открылъ на тѣлѣ новое мѣсто, уколъ въ которое можетъ излѣчивать такіа-то и такіа болѣзни. — Врачующіе глазные недуги ставятъ противъ себя столики, съ разными лѣкарствами; а подъ ними вѣшаютъ изображеніе — двухъ огромнаго размѣра глазъ съ надписями по сторонамъ названій разныхъ глазныхъ болѣзней. Нѣкоторые же изъ нихъ, для привлеченія народа, и въ память также знаменитаго глазнаго врача, прѣзжаютъ на ярмарки на черномъ ослѣ, на сѣдлѣ котораго раскладываютъ всѣ свои снадобья. — Продаватели зубныхъ лѣкарствъ окружаютъ себя трофеями своего искусства — кучею вырванныхъ зубовъ, наваленныхъ на столъ, на половину не человѣческихъ. — Два послѣднихъ рода продавателей отличаются особенною молчаливостію; за то остальная ихъ братія—

краснобаи по преимуществу. Надобно все это слышать, чтобы имѣть понятіе объ этой тонкой изобрѣтательности, которую употребляютъ Китайцы для обмана простодушныхъ. Тутъ сыплются непрерывною рѣчью и остроты, и анекдоты счастливаго излѣченія той или другой болѣзни, и велерѣчивыя похвалы цѣлительности продаваемого лѣкарства, и дешевизнѣ его, доводимой отчаянными хвастунами до того, что воздухъ, которымъ человѣкъ дышетъ, дороже нѣхъ лѣкарства.—Продавцы лѣкарствъ, укрѣпляющихъ тѣло, увеличивающихъ силу, придающихъ храбрость и т. д. вмѣсто словъ, привлекаютъ покупателей, выставкою на показъ человѣка обнаженнаго до пояса, несмотря на время года, къ чему избираются обыкновенно люди молодые, здоровые, всегда съ завидными, атлетическими формами. Часто, для большаго убѣжденія въ пользѣ своихъ лекарствъ, они позволяютъ бить себя чѣмъ угодно въ такія части тѣла, которыя почитаются опасными для раненія.

Секреты, нетерпимые въ явной продажѣ или правительствомъ или нравственностію, которую Китайскій народъ всегда старается притворно выказать въ себѣ, продаются тайно въ домахъ, о чемъ составители нѣхъ извѣщаютъ печатными объявленіями, приклеиваемыми по угламъ домовъ. Весь Пекинъ облѣпленъ подобными афишами на красной, бѣлой и желтой бумагѣ, и хотя

полиція обязана уничтожать ихъ, или даже не позволять приклеивать : часто однако случалось мнѣ видѣть, какъ, въ присутствіи уличнаго стража, наклеивается по нѣскольку такихъ объявленій на одну стѣну, гдѣ они остаются долгое время нетронутыми, пока наконецъ домохозяева не запачкаютъ ихъ грязью; но при новой сдѣлкѣ съ уличнымъ стражемъ, вмѣсто ихъ наклеиваются другія. На этихъ объявленіяхъ рекомендуются или такъ называемые *весенніе рецепты* (чунь-фанъ), *aphrodisiaca* и другіе секреты.

Надобно предположить достаточный доходъ для того, чтобы всѣ эти продавцы могли прокармливать себя, а иногда цѣлыя семейства. Дѣйствительно, кругомъ ихъ всегда можно найти толпу народа, изъ которой многіе покупаютъ расхваливаемыя лѣкарства. И въ этомъ случаѣ не одни простолюдины (вездѣ малообразованные и довѣрчивые), но и люди порядочнаго сословія, съ большимъ образованіемъ, не могутъ устоять противъ обольстительныхъ похвалъ лѣкарству. Таковъ уже общій недостатокъ каждаго Китайца. Если справедливо, что просвѣщеніе проникло въ Китаѣ воемъ слое общества; то еще справедливѣе, что суевѣріе и предрассудки общи всему Китайскому народонаселенію! Цѣна секретнаго лѣкарства измѣряется, собственно, не дороговизною входящихъ въ него составныхъ частей, но достояніемъ покупателя, различаемымъ по одеждѣ.

А потому — одно и тоже лѣкарство продается или весьма дорого, или весьма дешево, или дается просто даромъ, какъ это часто дѣлается для привлеченія покупателей, особенно если лѣкарство не получило еще извѣстности. Постоянно дорогими остаются такъ называемые весенніе рецепты.

У занимающихся лѣченіемъ болѣзней по правиламъ искусства врачей, собственно такъ называемыхъ, есть свои особенные способы рекомендовать себя, давать знать о себѣ, укорененные давностію и почитаемые менѣе укоризненными. Надъ воротами дома, въ которомъ живетъ врачъ, обыкновенно вывѣшивается черная или бѣлая доска, съ рѣзными на ней буквами, позолоченными, или красными, черными, голубыми и т. д., означающими собственно не фамилію хозяина, а похвальное прозваніе, поднесенное пріятелями, или выдуманное самимъ. Напримѣръ : храмъ благодѣянія, храмъ спокойствія и т. п., это есть общій обычай въ Китаѣ, и только подъ этимъ похвальнымъ прозвищемъ или наименованіемъ, можно отыскивать квартиру нужнаго для васъ человѣка. У не-врачей похвальное прозваніе вырѣзывается на небольшихъ дощечкахъ и вѣшается по бокамъ главной двери при входѣ въ домъ, тогда какъ у врачей и доски и буквы бываютъ большія и ставятся на мѣстѣ, видномъ издалика. Другими словами : у врачей эти прозванія замѣняютъ вывѣски,

точно такія же вивѣски съ похвальнымъ прозваніемъ имѣють у себя аптекарскія лавки, трактиры, и эти вивѣски отличаются отъ докторскихъ только смысломъ начертанныхъ на нихъ буквъ.

Кромѣ вивѣсокъ съ похвальнымъ прозваніемъ, у дверей каждого почти врача выставляются доски съ надписью, что онъ находится на службѣ въ медицинскомъ приказѣ; лѣчитъ какъ внутреннія, такъ и наружныя болѣзни: мушинъ, женщинъ, престарѣлыхъ и дѣтей; или однѣ только наружныя, однѣ внутреннія, глазныя, или однѣ дѣтскія болѣзни. Иногда къ этому прибавляется, что здѣсь продаются порошки, пилюли и т. д. изобрѣтенные самимъ врачомъ и полезные въ разныхъ болѣзняхъ.

У нѣкоторыхъ врачей, сверхъ сказанныхъ вивѣсокъ, на стѣнахъ дома прибиваются такъ называемыя *блян*—доски всегда довольно большія съ изрѣченіями, прославляющими искусство врача, поднесенныя въ знакъ благодарности излѣченными больными. Въ срединѣ доски (*блян*, всегда имѣющей длину не менѣе 1 или 2 аршинъ, а ширину въ $\frac{1}{2}$, или 1 аршинъ) на бѣломъ, черномъ, голубомъ, или вызолоченномъ полѣ, или просто на некрашеномъ, если только доска цѣлая и сдѣлана притомъ изъ хорошаго дерева, вырѣзано изрѣченіе, напримѣръ, въ родѣ такого: узнаеть болѣзни, какъ духъ и т. п. Буквы на такихъ доскахъ

бываютъ золотыя, или выкрашенныя голубою, или другою какойнибудь краскою. На бокахъ доски, съ правой стороны, вырѣзывается собственная фамилія врача съ его именемъ; а съ лѣвой — годъ поднесенія доски и фамилія поднесшаго оную больного. Подобнаго рода доски составляютъ важнѣйшее достояніе для Китайскаго врача, къ которому онъ стремится постоянно, всѣми силами и средствами, какъ къ ясному и неувядаемому доказательству своего искусства; передаетъ его сыну, внуку и т. д., такъ что доска дѣлается драгоцѣннымъ наслѣдіемъ потомства. Чѣмъ болѣе навѣшано досокъ у воротъ, тѣмъ сильнѣе гремитъ молва объ искусствѣ обладающаго ими; а потому не рѣдко подобныя доски скупаются, дѣлаются на заказъ и т. п. особенно тѣми, у кого ихъ мало, или совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ всякій, съ увеличеніемъ числа досокъ, рассчитываетъ и на будущее увеличеніе числа пациентовъ. Все дѣло тамъ въ добываніи денегъ, а не въ чистотѣ способа достиженія этого; на что въ Китаѣ и не обращается особаго вниманія!

Доски съ похвальными надписями (*бянь*), мною описанныя, привѣшиваются не однимъ врачамъ; а также — пріятелямъ, оказавшимъ какіянибудь услуги, благодѣтелямъ и т. д. и отличаются только смысломъ изрѣченій.

Обычай въ идеѣ прекрасный; но, къ несчастію, много утратившій отъ времени и злоупотребленій, особенно же въ отношеніи къ врачамъ!

Поднесеніе похвальныхъ, благодарственныхъ досокъ (*бянь*) составляетъ родъ нѣкотораго торжества для обѣихъ сторонъ и совершается съ нѣкоторою церемоніею. Обыкновенно доску несутъ въ носилкахъ (портшезахъ, какъ ихъ привыкли называть), предшествуемыхъ музыкантами и людьми, несущими разнаго рода атрибуты, означающіе извѣстную степень чиновника, но теперь употребляемые всѣми при всякомъ торжественномъ случаѣ: свадьбахъ, похоронахъ, или какъ теперь при поднесеніи доски и т. д. позади всего этого несутся на нѣсколькихъ столахъ подарки, состоящіе изъ шелковыхъ матерій, какихъ нибудь вещей, готоваго платья, съѣстнаго и т. д. сопровождаемые, или самимъ хозяиномъ, подносящимъ доску, когда онъ хочетъ или долженъ оказать величайшее уваженіе тому лицу, которому подносится доска, либо довѣренными отъ него людьми. Получающій такую доску, послѣ церемоніальной встрѣчи у воротъ всего поѣзда, прилично угощаетъ сопровождавшихъ подарки людей и носильщиковъ, и награждаетъ ихъ деньгами. Доски у врачей вѣшаются ввѣ воротъ дома; а у другихъ, удостоенныхъ такой же почести, въ приличномъ мѣстѣ, внутри дома. Великолѣпіе и торжество приноса подоб-

ныхъ досокъ зависятъ отъ богатства подносящаго и мѣры его тщеславія, которое одно въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко управляетъ всѣмъ!

Вывѣски и похвальные доски для Китайскаго врача необходимы: первая служить знакомъ для отысканія его квартиры; а числомъ послѣднихъ опредѣляется степень его искусства! Другая, столь же необходимая принадлежность для Китайскаго врача, составляющая болѣе нравственное качество его, есть умѣнье говорить понятно, ловко и вразумительно для каждаго больного, какого бы онъ сословія ни былъ. Безъ этого ничто не значитъ самое искусство въ распознаваніи болѣзней, *мо-ци* (пульсированіе): какъ говорятъ Китайцы, при умѣньи говорить, и ограниченность пойдетъ заурядъ съ ученостію. Говорливость уличныхъ продавателей лѣкарствъ у врачей, практикующихъ по домамъ, должна принять тонъ пояснительности припадковъ болѣзни, безъ явнаго шарлатанства; но съ тонкою угадчивостію мыслей самаго больного о своей болѣзни и съ убѣжденіемъ, что болѣзнь весьма извѣстна и для врача понятна, и прописываемое противъ нея лѣкарство уничтожитъ недугъ также скоро и легко, какъ вода пламень и т. п. Всѣми этими качествами обладаютъ Китайскіе врачи въ высшей степени и кажется подобная наука дается имъ безъ особеннаго труда.

Въ Китаѣ люди не такъ рѣзко отличаются между собою въ степеняхъ образованія, какъ это видѣть можно на другихъ народахъ. Какъ въ государствѣ древнемъ, цѣлые вѣка живущемъ по своимъ собственнымъ учрежденіямъ и обычаямъ, въ немъ и просвѣщеніе давно уже приняло извѣстные размѣры, ограничилось знаніемъ извѣстныхъ предметовъ, необходимыхъ въ жизни для каждаго человѣка; а потому Китайцы, отъ простолюдиновъ до вельможи и Богдохана, изучаютъ однѣ и тѣже классическія книги. Различіе въ знаніи этихъ предметовъ зависитъ отъ природныхъ способностей человѣка, отъ продолжительности времени обученія, и наконецъ отъ нравственного воспитанія, усвоеннаго извѣстнымъ сословіемъ. Весьма справедливо сказалъ нашъ извѣстнѣйшій синологъ, О. Іакинѣвъ, что просвѣщеніе въ Китаѣ проникло всѣ слои общества, какъ вода губку. Дѣйствительно, говоря въ отношеніи къ цѣлому народонаселенію, Китайцы могутъ считаться образованнѣе (по своему) многихъ другихъ народовъ.

По сходству главныхъ основаній медицины съ началами, излагаемыми въ извѣстныхъ классическихъ книгахъ, всѣми изучаемыхъ, языкъ медицины и даже нѣкоторыя опредѣленія ея общепонятны всякому Китайцу. Это есть одна изъ лучшихъ сторонъ Китайской медицины, первое условіе легкости распространенія

ея между народомъ, и въ этомъ отношеніи Китай можетъ представить собою замѣчательный примѣръ народной медицины. Въ разговоръ съ каждымъ Китайцемъ, не говоря уже о болѣе образованныхъ, можно найти подтвержденіе этихъ словъ. Всякій, и не врачъ, скажетъ вамъ : какая именно болѣзнь происходитъ отъ гнѣва; чего можно опасаться во время чрезмѣрно теплой весны, или слишкомъ холодной осени; какая внутренность пострадаетъ отъ преданности извѣстному роду привычекъ; какимъ припадкомъ выражается преобладаніе внутри тѣла холода (*хань-ци*) или жара (*жэ-ци*), и наконецъ — что именно полезно во всѣхъ этихъ случаяхъ. Словомъ, вы услышите тѣже истины Китайской медицины, какія преподаются въ любомъ изъ ея руководствъ.

При такой общности медицинскихъ познаній, вошло въ обычай разсуждать съ врачомъ о болѣзни, ея причинахъ и лѣченіи, и вести съ нимъ споръ о томъ и другомъ. Здѣсь-то врачъ долженъ выказать, вмѣстѣ съ знаніемъ своего предмета, всю находчивость и умѣнье : опровергать или соглашаться съ своимъ больнымъ, не отступая далеко отъ положеній медицины и падая иногда его самолюбіе. Въ такомъ случаѣ таже общность главныхъ медицинскихъ познаній, при простотѣ, однообразіи и неизмѣнности изложенія оныхъ въ книгахъ, вырачаетъ Китайскихъ

врачей изъ затрудненія. Имъ легко отвѣчать на всѣ вопросы больного; потому что отвѣты будутъ повтореніе давно заученнаго въ книгѣ. Отвѣты ихъ будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и точны, потому что они, такъ какъ и вопросы, суть заученныя книжныя фразы. Никакой больной, на примѣръ, не усомнится въ справедливости отвѣта, что боль въ лѣвомъ подреберьѣ означаетъ страданіе печени, происшедшее отъ гнѣва. Подобное объясненіе повторяется всѣми и всюду, на одинъ и тотъ же ладъ, цѣлыя столѣтія. По природной раздражительности, Китаецъ легко приходитъ въ гнѣвъ отъ маловажной причины: на одному больному не будетъ удивительнымъ объясненіе врача, что боль въ лѣвомъ подреберьѣ могла произойти отъ гнѣва; онъ непремѣнно придумаетъ, что въ недавнемъ времени дѣйствительно подвергался гнѣву, если не явному то скрытному, не замѣченному и имъ самимъ, и повѣритъ показанію врача, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ боль въ боку произошла отъ причины совершенно противоположной.

Этой же общности медицинскихъ познаній надобно приписать ту удобность и легкость, съ которыми изучаютъ Китайцы свои медицинскія книги и ту охоту — скорѣе сдѣлаться врачомъ, нежели чѣмънибудь другимъ, которая овладѣваетъ ими при выборѣ средствъ къ пропитанію. Для Китайца выучить какую нибудь

медицинскую книгу ничего не значить : языкъ въ ней простъ, удобопонятенъ, термины ея давно уже онъ слышалъ въ общежитіи; а толкованій объ *Инь* и *Янь* (началъ женскомъ и началъ мужескомъ), на которыхъ вертятся всѣ объясненія главныхъ положеній въ медицинѣ, при изученіи классическихъ книгъ также ему знакомы.

Другую удобность, для скорѣйшаго изученія медицинскихъ книгъ въ Китаѣ, составляетъ дробность занятій Китайскихъ врачей, укорененная временемъ, обычаями и наконецъ ложнымъ направленіемъ, съ которымъ стремятся многіе люди къ званію врача, не ограниченному никакими постановленіями правительства. Немногіе изъ Китайскихъ врачей совокупляютъ въ своемъ знаніи умѣнье лѣчить всѣ вообще человѣческіе недуги; а чаще всего, въ облегченіе себѣ и изъ подражанія древнимъ, они занимаются лѣченіемъ отдѣльных болѣзней : кто, напримѣръ, лѣчитъ исключительно однѣ внутреннія болѣзни, кто наружныя; другой однѣ женскія, или дѣтскія болѣзни, а другой однѣ глазныя. Занимающихся лѣченіемъ наружныхъ болѣзней, по малому числу ищущихъ помощи врача, весьма не много, несмотря на разнообразіе и множество различныхъ болѣзней у Китайцевъ. Не велико также число занимающихся лѣченіемъ переломовъ и вывиховъ, называемыхъ : *Мэнъ-пу-дай-фу* (Монгольскій врачъ), какъ будто въ доказательство, что это иску-

ство пришло въ Китай отъ другаго народа и не могло еще распространиться. Въ послѣднее время, когда стѣснились средства къ пропитанію и явилось много искателей счастія на поприщѣ медицины, искусство лѣченія болѣзней еще болѣе раздробилось, такъ что теперь можно встрѣтить вывѣски, гласящія, что такой-то *храмъ* (разумѣя подъ этимъ почетное прозваніе врача) занимается лѣченіемъ простудной лихорадки, параличей, оспы и т. п.

При Китайскомъ дворѣ, со времени учрежденія *медицинскаго приказа* (тай-и-юань), слишкомъ за 200 лѣтъ до сего, принято постоянное раздѣленіе должностей придворныхъ врачей, существующее до сихъ поръ: на должность врача *болѣзней внутреннихъ*, (нэй-кэ), врача *болѣзней наружныхъ* (вай-кэ), *болѣзней женскихъ* (нью-жэнь-кэ), куда не принадлежать акушеры, обязанность которыхъ въ Китаѣ предоставлена повивальнымъ бабкамъ; *болѣзней дѣтскихъ* (сяо-эррѣ-кэ), *болѣзней глазныхъ* (янь-кэ), *болѣзней зубовъ и рта вообще* (коу-чи-кэ), *дѣтскихъ сыней* (доу-чжэнь-кэ), куда въ особенности относятся корь и оспа. Въ числѣ придворныхъ врачей прежде находились такъ называемые *потиратели*, искусство которыхъ (довольно общее въ Азіи) состояло въ лѣченія болѣзней посредствомъ тренія, поколачиванія руками разныхъ частей тѣла и называлось *Ань-мо-кэ*. Къ нимъ причислялись

также *цирюльниками*, къ которымъ теперь перешло искусство потиранія (ань-мо), употребляемое впрочемъ не для лѣченія болѣзней, а для уничтоженія, напримѣръ, неловкости, тяжести въ спинѣ, чувствуемыхъ по утрамъ здоровыми людьми и т. п. или просто для удовольствія, доставляемаго *цирюльникомъ* по окончаніи бритья и чесанія головы. Въ разрядѣ врачей наружныхъ и глазныхъ болѣзней при Китайскомъ дворѣ поставлены были *иллоукалыватели* (чжэнь-цзю-кэ), теперь совершенно удаленные изъ придворной службы. Въ штатѣ придворныхъ врачей состоитъ *союзитель снѣжей предѣ кумирами* за спасеніе больного (чжу-ю-кэ).

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Практикою Китайскіе врачи занимаются или у себя на домахъ, назначая для этого извѣстные часы дня, или, по приглашенію, въ домахъ больныхъ. Ничего подобнаго нашимъ госпиталямъ, больницамъ въ Китаѣ не существовало и не существуетъ. По видимому, ни Китайское правительство, ни частныя лица, не почитали такой родъ благотворительности важнымъ и необходимымъ для государства и гражданъ. Въ этомъ убѣжденіи на счетъ учрежденія общественныхъ лѣчебницъ остаются Китайцы до сихъ поръ, такъ что по всему Китаю нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы бѣдный больной

могъ найти себѣ пристанище и пособіе. Отсюда можно исключить одинъ только Пекинъ, въ которомъ учреждены пріюты для престарѣлыхъ, пріюты для малолѣтнихъ дѣтей (воспитательные дома), находящіеся внѣ городской стѣны, въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ предмѣстіяхъ. Но все эти мѣста не больше, какъ кратковременное убѣжище бѣдности, сиротства и безпріютныхъ нашихъ и, по своей неопрятности, скудности, скорѣе походятъ на скопище всего отвратительнаго, нежели на благотворительныя заведенія. Я былъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и вынесъ оттуда самыя незавидныя повятія о Китайскомъ человеколюбіи. Не нахожу словъ описать всю видѣнную наготу и бѣдность помѣщающихся тамъ, и развалины помѣщеній. Въ Китаѣ есть много прекраснаго, по идеѣ достойнаго всякаго подражанія, но ужасающаго въ исполненіи. Благотѣльные учрежденія поразительно доказываютъ намъ это! По положенію, на каждое заведеніе выдается или извѣстная сумма денегъ, или извѣстное количество хлѣба (сарацинскаго пшена), потребное для содержанія въ немъ положеннаго числа людей. Въ пріютѣ престарѣлыхъ велѣно, кромѣ того, выдавать въ извѣстное время — платье, обувь и т. п. Въ пріютѣ малолѣтнихъ положено имѣть нѣсколько кормилицъ, для кормленія грудью новорожденныхъ, принесенныхъ въ заведеніе или явно самими родите-

лями по бѣдности, или подкинутыхъ тайно, чтобы скрыть незаконность рожденія. Даже въ такъ называемомъ *Ци-ю-со* — заведеніи, доставляющемъ только временное помѣщеніе (на ночь, на нѣсколько дней, особенно же зимою), положено давать пищу, если пришедшій на ночлегъ бѣднякъ, по какой нибудь причинѣ, не могъ достать себѣ на сторонѣ хлѣба. Здѣсь же позволено заниматься работами, руководъями и сдѣланное — продавать въ городѣ. При заведеніи для малолѣтнихъ, какъ сказываютъ, положено имѣть врача. Ни чего изъ этого не исполняется на дѣлѣ. Зданія, опредѣленные для помѣщенія, остаются или пустыми, особенно же лѣтомъ и въ теплое время, или только немногія изъ комнатъ, болѣе уцѣлѣвшія отъ разрушенія, замѣщаются нѣсколькими людьми, для которыхъ, казалось, голодъ одинаково былъ мучителенъ и подѣ городскою стѣною, и внутри благотворительныхъ заведеній. Въ пріютѣ малолѣтнихъ, куда иногда приходятъ выбирать дѣтей для усыновленія люди бездѣтныя, образовался родъ торговли. Бѣдныя женщины, подѣ видомъ найма въ кормилицы, приходятъ сюда же, часто съ дѣтьми, и ожидаютъ благоприятнаго случая — отрекомендовать покупщику можетъ быть своего же ребенка.

Всѣ эти заведенія должны находиться подѣ вѣденіемъ чиновниковъ дворцоваго правленія и ближай-

шимъ надсмотромъ сторожей. Первые обыкновенно только получаютъ окладъ жалованья и часть изъ дѣлежа суммъ, назначенныхъ на содержаніе заведенія, никогда не являясь къ своему мѣсту; а послѣдніе, по бѣдности, хотя и живутъ при заведеніи, но занимаются болѣе сборомъ денегъ за временную квартиру въ немъ, нежели присмотромъ за онымъ. Вотъ почему тамъ благотворительныя заведенія часто служатъ убѣжищемъ нищихъ, этого многочисленнаго и отвратительнаго класса жителей въ Китаѣ, состоящаго изъ самыхъ отчаянныхъ негодяевъ, промотавшихся солдатъ Маньчжурскаго племени, игроковъ, и т. п., людей, собирающихся сюда въ зимнее время—укрыться отъ холода.

Я не могу указать на время, къ которому должно отнести начало учрежденія благотворительныхъ заведеній въ Пекинѣ. Извѣстно только, что въ предмѣстіяхъ Кантона издавна существовалъ такъ называемый *Ма-фынь-юань*, для помѣщенія страждущихъ *проказою* (Ма-фынь-чуань). Говорятъ, что возобновленіе, или приведеніе въ дѣйствіе, давно можетъ быть существовавшихъ въ Пекинѣ описанныхъ выше благотворительныхъ заведеній, было за 60 или за 70 лѣтъ предъ симъ, по повелѣнію матери Китайскаго императора *Цянъ-лунъ*. Къ этому же времени относятъ учрежденіе такъ называемыхъ *коровихъ телъ* (ню-чэ), для сбора

по городу умерших младенцевъ и вывоза ихъ за городъ для погребенія въ общей могилѣ.

Телѣги, везомыя быками, отъ чего произошло и самое названіе ихъ ю-чэ (ю быкъ, корова; чэ телѣга), существуютъ до сихъ поръ и, какъ мнѣ самому случилось видѣть, ежедневно утромъ проѣзжаютъ тихимъ шагомъ, отъ одного конца до другаго и обратно, по двумъ главнымъ улицамъ Пекина; по улицѣ *Хай-да-мынь-да-цзэ*, начинающейся отъ юго-восточныхъ воротъ *Хай-да-мынь*, или иначе *Чунъ-сынъ-мынь*, и оканчивающейся у сѣверо-восточныхъ воротъ *Ань-динъ-мынь*, и по улицѣ *Шунъ-чжи-мынь-да-цзэ*, начинающейся отъ юго-западныхъ воротъ *Шунъ-чжи-мынь*, или иначе *Сюанъ-су-мынь*, и оканчивающейся у сѣверо-западныхъ воротъ *Дэ-шанъ-мынь*. Всякій можетъ класть въ телѣгу умершаго ребенка, безъ обязанности сказывать изъ чьего онъ дома, заплативъ только произвольное, всегда самое ничтожное количество мѣдной монеты сопровождающему телѣгу погонщику. Трупъ ребенка долженъ быть въ гробикѣ, или по крайней мѣрѣ, какъ чаще и бываетъ, завернуть въ кусокъ старой рогожки; иначе его не позволятъ положить на телѣгу. По наружной формѣ, телѣги похожи на обыкновенныя двухъ-колесныя, городскія Китайскія повозки, только больше ихъ и открыты спереди и сзади. Сколько мнѣ ни случилось встрѣчать этихъ телѣгъ, особенно же, когда онѣ ѣхали

съ оѣвера, т. е. обратно по улицѣ, всегда онѣ наложены были почти до-верха небольшими гробиками, а больше рогожными свертками, изъ которыхъ иногда видѣлись ножки или ручки умершихъ младенцевъ. Вотъ въ какомъ видѣ представляется Китайская благотворительность, Китайское человеколюбіе! Собранные дѣтскіе трупы вывозятся за юго-западное предмѣстіе Пекина, въ отведенное для этого мѣсто съ кумирнею. Пока соберется достаточное число гробиковъ, они кладутся на время въ отдѣльное зданіе, находящееся при кумирнѣ, куда позволено приносить умершихъ дѣтей и окрестнымъ жителямъ, и всѣмъ тѣмъ, кто не успѣлъ сдать своего ребенка на телѣгу. Когда гробиковъ соберется достаточное число, выкапывается яма, куда они складываются и сожигаются вмѣстѣ съ трупами. Находящійся при кумирнѣ *Хэ-шанъ* (Буддійскій монахъ) читаетъ при семъ обычныя для покойниковъ молитвы, и яма зарывается впредь до новаго сожиганія.

Телѣги для сбора умершихъ младенцевъ, какъ рассказываютъ, были учреждены по случаю (въ которой-то годъ правленія *Цянъ-лунъ*) свирѣпствованія повальной оспы, когда дѣтей умирало много и родители выбрасывали ихъ на улицы, такъ что полиція должна была распорядиться собираніемъ и похоронами дѣтскихъ труповъ. Судя по нашимъ

нравственнымъ и религіознымъ понятіямъ, для насъ можетъ быть удивительна подобная жестокость родителей; но Китайцы разсуждаютъ объ этомъ иначе. По ихъ понятіямъ — нравственнымъ и религіознымъ (буддійскимъ), душа не совершенна еще у человѣка во младенчествѣ; а потому дѣтей, умершихъ до 8 лѣтняго возраста, не удостоиваютъ погребенія на родовыхъ кладбищахъ.

Съ обычая Китайцевъ — не хоронить малолѣтнихъ дѣтей на родовыхъ кладбищахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и бросать ихъ безъ призора, тамошніе Римско-Католическіе миссіонеры взяли понятіе, переданное ими потомъ въ Европу, о дѣтоубійствѣ позволительномъ будто бы въ Китаѣ. О. Іакинвъ достаточно опровергнулъ нелѣпость такого мнѣнія. Дѣтоубійство преслѣдуется въ Китаѣ законами и наказывается, какъ всякое другое смертоубійство. Даже за умышленное умерщвленіе плода въ утробѣ матери, какими бы то ни было средствами, положено тѣлесное наказаніе, и такъ, если въ числѣ собираемыхъ по городу на коровьи телѣги умершихъ дѣтей могутъ случиться и такія, которыя лишены жизни насильственно, то это развѣ тогда когда, напримѣръ, хотятъ скрыть рожденіе изъ стыда и т. п. преступныхъ побужденій? Полиція никогда не свидѣтельствуешь собранные дѣтскіе трупы; равнымъ образомъ не спрашиваютъ у принося-

щихъ на коровью телѣгу умершаго младенца, кому онъ принадлежитъ; а потому вѣроятно, что между дѣтьми, умершими своею смертію, могутъ попадать на коровью телѣгу и дѣти умершія насильственно.

Что выбрасываніе дѣтскихъ труповъ можетъ случаться часто, и даже почестъся обычаемъ повсемѣстнымъ въ Китаѣ, въ томъ я сошлюсь на автора книги: *И-минъ-ай-цзю*, изданной въ 1830 году, который говорить, что мысль о неосновательности анатомическихъ понятій, преподаваемыхъ доселѣ во всѣхъ медицинскихъ книгахъ, пришла ему въ первый разъ при разсматриваніи внутренностей дѣтскихъ труповъ, выброшенныхъ за городъ и растерзанныхъ животными (собаками). Это было въ одномъ уѣздномъ городѣ, во время свирѣпствованія оспы, когда самъ авторъ состоялъ на должности правителя того уѣзда.

Существуютъ-ли телѣги, для сбора умершихъ младенцевъ, въ другихъ городахъ Китая, мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, и въ самомъ Пекинѣ, учрежденныя нѣкогда отъ правительства коровьи телѣги давно-бы не существовали, если бы сборъ ничтожной платы съ каждаго приносимаго на телѣгу дѣтскаго трупа и добровольныя подаянія въ кумирню, построенную близъ общей дѣтской могилы, не побуждали приставленныхъ къ тому людей, для собственной своей пользы, до сихъ поръ продолжать ежедневные проѣзды на

тебѣ по главнымъ двумъ улицамъ города. Безъ этого, на вѣрное можно предположить, что благотельное обыкновеніе собирать дѣтскіе трупы давно бы прекратилось.

УСЛОВІЯ ПРАКТИКИ КИТАЙСКИХЪ ВРАЧЕЙ.

Съ одной стороны отсутствіе общественныхъ больницъ, а съ другой чрезмѣрная населенность большихъ городовъ Китая, и свобода занятія лѣченіемъ болѣзней, дѣлають то, что Китайскіе врачи имѣють у себя обширную практику, не смотря на людность своего сословія. Этому помогаютъ еще : замѣчательная склонность Китайскаго народа отъ всего лѣчиться и дешевизна аптекарскихъ матеріаловъ. Последнее обстоятельство составляетъ одно изъ первѣйшихъ условий успѣха чего бы то ни было въ Китаѣ. Многолюдное сословіе Китайскихъ врачей никогда бы въ своей практикѣ не нашло достаточныхъ средствъ къ существованію, если бы захотѣло чрезмѣрно вознаграждать труды свои. Тогда какъ теперь, при укорененномъ давностью народномъ обычаѣ : платить врачамъ умеренно, всякій изъ нихъ имѣетъ достаточное число больныхъ, доставляющихъ ему и занятіе и вознагражденіе.

Практика у Китайскихъ врачей бываетъ двухъ родовъ : когда сами больные приходятъ на домъ къ

врачу, и когда врачъ по приглашенію посѣщаетъ больного въ его домѣ. Къ послѣднему виду практики относится постоянное лѣченіе въ одномъ и томъ же домѣ одного врача; за условленную годовую плату. Для сношеній съ больными у себя на дому, каждый врачъ назначаетъ извѣстный часъ дня, въ который принимаетъ больныхъ. Плата въ этомъ случаѣ берет-ся собственно за *прописываніе рецепта* (кай-фанъ-цзы), и такъ какъ въ числѣ ищущихъ пособія на дому врача бываютъ, по большей части, люди бѣдные, рабочій классъ народа; то плата за прописываніе рецепта въ этомъ случаѣ бываетъ самая ничтожная: отъ 10 до 30 копѣекъ мѣди и никогда не выше 50, что могутъ получать только одни знаменитые врачи. Чтобы не затруднять ни себя, ни больныхъ въ опредѣленіи количества денегъ за трудъ, врачи выкладываютъ на столъ въ той комнатѣ, въ которую приходятъ больные, извѣстное число навязанныхъ на веревку *модмы* *мометъ* (цань), увидавъ кон всякій больной могъ бы, не спрашивая, знать, сколько должно заплатить за трудъ. Послѣ изслѣдованія пульса, распроса о болѣзни и т. п. нужныхъ вопросовъ, врачъ прописываетъ рецептъ; больной, отсчитавъ деньги, беретъ рецептъ и отправляется съ нимъ за полученіемъ лѣкарства въ ближайшую аптекарскую лавку. Въ числѣ приходящихъ на домъ къ врачу больныхъ, никогда не бываетъ жен-

шинъ; дѣтей же приводятъ и приносятъ, особенно къ занимающимся лѣченіемъ дѣтскихъ болѣзней. Несмотря на ничтожность платы, извѣстные своимъ искусствомъ врачи набираютъ, съ прописыванія рецептовъ на дому, отъ 5 до 10 рублей серебромъ на наши деньги, въ теченіи 4 — 5 часовъ по большей части предобѣденнаго времени.

Плата за пріѣздъ врача на домъ къ больному опредѣляется разстояніемъ между домомъ больного и домомъ врача и простирается приблизительно отъ 50 копѣекъ до 1 и 3 рублей серебромъ, рѣдко болѣе, какъ бы ни былъ славенъ врачъ. Исключенія могутъ быть только въ такомъ случаѣ, если больной имѣетъ значительное состояніе, и тогда условливаются въ цѣнѣ за окончательную вылѣчку болѣзни и берутъ отъ 20 до 100 рублей серебромъ.

Деньги, выдаваемые приглашенному на домъ врачу, бывають, большею частію, мѣдная Китайская монета, называемая *тунъ-цянъ*, величиною съ нашу копѣйку, имѣющая по срединѣ дырочку, чрезъ которую продѣвается веревочка — 500 монетъ, нанизанныхъ на одну веревку, называются связкою и равняются нашимъ 2 рублямъ мѣди. По окончаніи визита, кладется въ повозку врача слѣдующее по разстоянію число такихъ связокъ. Это называется отдавать *ма-цянъ* (деньги на лошадь), древнее выраженіе, взятое будто бы съ того,

что врачи того времени ѣздили къ своимъ больнымъ верхомъ на лошади.

Такъ называемые годовые врачи, имѣющіе въ извѣстномъ мѣстѣ, напримѣръ въ домахъ князей Маньчжурскаго племени, постоянную практику, получаютъ по мѣсячно отъ 2 до 10 руб. серебромъ, иногда съ прибавкою къ этому извѣстнаго количества сарачинскаго пшена, и обязаны лѣчить, бесплатно, всѣхъ заболѣвающихъ въ этомъ домѣ, отъ господъ до послѣдняго слуги. Обычай имѣть постоянного при домѣ врача, за исключеніемъ князей — Маньчжуровъ, во всемъ подражающихъ своему двору, другими изъ Китайцевъ ни кѣмъ непринять.

Посѣщеніе больныхъ мужескаго пола и дѣтей дѣлается обыкновеннымъ порядкомъ; но при посѣщеніи врачомъ больныхъ женщинъ, этотъ порядокъ нѣсколько измѣняется. По Китайскому обычаю, посторонній мужчина, не имѣющій съ домомъ никакой близкой родственной связи, не можетъ видѣть женщины; а потому у богатыхъ и важныхъ Китайцевъ, когда нужно пригласить врача къ заболѣвшей женщинѣ, позволяютъ смотрѣть только пульсъ, какова бы болѣзнь ни была: внутренняя, или наружная, и тѣмъ довольствоваться при опредѣленіи болѣзни. Даже распросъ о чувствуемыхъ больною припадкахъ не всегда можно дѣлать у самой больной, особенно же касательно отправленій

половыхъ органовъ; а должно довольствоваться, въ этомъ случаѣ, разсказами окружающей больную прислуги. Но такой обычай не соблюдается людьми не только богатыми и знатными, тѣмъ болѣе бѣдными и простыми, у которыхъ женскій полъ безъ церемоній отправляетъ всѣ касющіяся до дома обязанности и находится постоянно предъ глазами мужчинъ. И вообще женскій полъ у Китайцевъ не такъ стѣсненъ въ свободѣ своей, какъ у Мусульманъ, ищущихъ, въ строгихъ правилахъ положенія женщины въ обществѣ, опоры своей речности, тогда какъ у Китайцевъ нѣкоторое отдаленіе женщинъ отъ мужчинъ есть только выраженіе женской стыдливости, скромности, знатности происхожденія вошедшее въ обычай. Маньчжуры, утративъ свою степную простоту нравовъ, во всемъ теперь сдѣлались Китайцами и у нихъ, въ домахъ князей высшихъ сановниковъ, также нельзя всякому видѣть женщинъ. При Пекинскомъ дворѣ тѣмъ строже исполняется это обыкновеніе. Говорятъ, даже рука, подаваемая изъ полога для изслѣдованія пульса, бываетъ покрыта флеромъ и врачъ, стоя на козлахъ, осматриваетъ пульсъ и, кончивъ это, удалется, не произнеся ни одного слова предъ высокою особою. Если же ему, кромѣ изслѣдованія пульса, для поясненія болѣзни, нужно знать что нибудь о припадкахъ, чувствуемыхъ больною и т. п. то обо всемъ этомъ онъ долженъ

распросить евнуховъ, прислуживающихъ больной. Но такая чрезмѣрная строгость тамъ не во всѣхъ княжескихъ домахъ принята. Русскимъ врачамъ случалось быть приглашенными въ дома знатныхъ Маньчжуровъ, и имъ всегда позволялось расправлять больную, не закрытую пологомъ. Только одно ручное изслѣдованіе, исключая лица и открытыхъ частей рукъ, никогда не могло быть принято Китайскою стыдливостію. Но я ни въ какомъ случаѣ видѣлъ вынужденное отступленіе отъ обычая, когда у больной былъ переломъ бедра. Врачи всего Пекина; одинъ послѣ другаго, должны были судить о болѣзни по изслѣдованію пульса и иные приписывали еѣ усиленію жара въ печени, другіе слабости почекъ и т. п. Когда пригласили меня, больная ни какъ не рѣшалась на ручное изслѣдованіе, и только послѣ рѣшительнаго отказа съ моей стороны сказать, что нибудь о болѣзни безъ осмотра, позволила сквозь платье и покрывало, прикоснуться къ больной части.

Посѣщать своихъ больныхъ безъ вторичнаго приглашенія не въ обыкновеніи у Китайскихъ врачей, каково бы ни было состояніе больного и какъ бы ни интересна болѣзнь. Одни только тѣ врачи, которые взяли за известную плату вылѣчить какую нибудь болѣзнь, и врачи, служащіе въ домахъ за годовое жалованье, могутъ по произволу являться къ своимъ паціентамъ.

Для облегченія при отыскиваніи квартиры націента, въ случаѣ вторичнаго приглашенія, врачи, окончивъ первый визитъ, приклеиваютъ къ дверямъ дома націента билетъ своего почетнаго прозванія. Въ Пекинѣ часто можно видѣть по нѣскольку такихъ билетовъ, на голубой, красной и другихъ цвѣтовъ бумагѣ, приклеенныхъ вмѣстѣ, когда одного и того же больного посѣщало нѣсколько врачей одинъ послѣ другаго. Рѣдко случается, чтобы одинъ и тотъ же врачъ былъ приглашенъ вторично къ больному, тѣмъ болѣе нѣсколько разъ сряду. Обыкновенно, если по прописанному рецепту не оказалось въ болѣзни никакой переменѣ, или если переменѣ эта сдѣлалась къ худшему, то приглашаютъ другаго врача; а въ противномъ случаѣ — посылаютъ въ аптеку прописанный прежде рецептъ и повторяютъ приѣмъ лѣкарства. Бываетъ даже, что къ одному больному, особенно въ богатыхъ домахъ, приглашаютъ нѣсколькихъ врачей, одного послѣ другаго, и такъ притомъ, чтобы пришедшій послѣ не встрѣтился съ призваннымъ прежде. Къ этому прибѣгаютъ чаще всего при видимой опасности больного. Каждому врачу предоставляется полная воля спрашивать больного сколько и какъ ему угодно, дѣлать свои соображенія о болѣзни и въ заключеніе писать рецептъ, по окончаніи котораго выдается извѣстное количество денегъ, соответствующее разстоя-

нію до квартиры его, *ма-цян* (деньги на экз-нажъ), и онъ отправляется куда слѣдуетъ. По улодѣ одного врача, приглашается другой и т. д. сколько покажется нужнымъ и сколько позволятъ средства больного. Прописанные нѣсколькими врачами рецепты слѣчаются между собою, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ будетъ болѣе сходства въ лѣкарствахъ, почитаются лучшими и полезнѣйшими, и по одному изъ нихъ покупается въ аптекѣ лѣкарство. Если же между нѣсколькими рецептами не найдутся сходные, или если сходство будетъ невелико, въ одномъ только какомънибудь средствѣ; то прибѣгаютъ къ ворожбѣ, и какой рецептъ выпадетъ первымъ, по тому и покупаютъ лѣкарство. Или вмѣсто этого сзываютъ другихъ врачей и слѣчаютъ прописанные ими рецепты. Это есть родъ консилиума о болѣзни, дѣлаемый въ Китаѣ безъ вѣдома врача. Довольно замысловатая уловка! Неизвѣстно только, до какой степени она полезна той и другой сторонѣ.

Еще не разъ придется говорить о Китайскомъ суевѣрїи и предрасудкахъ, обличающихъ крайнее невѣжество народа, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ степени просвѣщенія, понимаемаго у насъ, если не въ отношеніи къ самородному Китайскому просвѣщенію. Здѣсь кстати сказать о суевѣрномъ убѣжденіи въ выборѣ врача. Въ Китаѣ часто не истинное искус-

ство вводитъ врача въ славу, не опытность въ дѣлѣ, приобретаемая съ лѣтами: а случайность, зависящая прямо отъ народныхъ суевѣрій. Не нужно говорить, что въ Китайскомъ обществѣ есть слабость, — судить о человѣкѣ по наружности, и слѣдовательно приглашать чаще тѣхъ врачей, которые щеголяютъ платьемъ, экипажемъ и т. д. Дѣло въ томъ, что суевѣріе, властвующее Китайцами на всѣхъ ступеняхъ его образованности и просвѣщенія, свойственное какъ простому, такъ и высшему Китайскому сословію, издавна убѣдило народъ вѣрить болѣе тѣмъ людямъ, которые приобрѣли свое искусство не въ книгахъ, не трудами; а вынѣмъ на нихъ духовъ, неизвѣстными для нихъ самими путями. Много бы можно было насчитать примѣровъ, подобныхъ тому: какъ одинъ горный отшельникъ лечилъ отъ всѣхъ болѣзней давая золу, оставшуюся отъ сжиганія курительныхъ свѣчъ предъ кумирами, для похвѣнія на шею, и къ нему стекались тысячи людей, желавшихъ получить необыкновенное лѣкарство; какъ одна престарѣлая дѣвица избавляла отъ всякаго недуга, давая приготовленную ею самую амулетку (талисманъ) и т. п. Все существовавшее некогда и у другихъ народовъ въ полной силѣ до сихъ поръ еще живетъ въ Китаѣ. Суевѣріе Китайцевъ, кромѣ древнихъ преданій, находитъ много пищи и въ самыхъ религіозныхъ ученіяхъ. Ни одинъ, можетъ

быть, всычесаи истуканъ не пользовался такимъ почетомъ отъ поклонившихся ему, какииъ пользуется теперь баснословное животное, изображающее созвѣдіе называемое *та*, похожее на мула, или на лошадь и находящееся въ кумирнѣ *дун-ѳ-мло*, за восточною стѣною Пекина. Толпы народа текутъ на поклоненіе ему (мущины 1 и 15 числа, женщины 2 и 16 числа каждого мѣсяца), съ полною надеждою получить облегченіе въ разныхъ недугахъ. Истуканъ вылить изъ мѣди и особенно славенъ помощію въ бездѣтствѣ.

Я укажу на другой примѣръ Китайскаго суевѣрія, относящійся собственно къ врачамъ. Въ Непинѣ, между врачами, пользующимися славою и имѣющими обширную практику, много такихъ, которые, кромѣ названія нѣсколькихъ лѣкарствъ, не имѣютъ ни какихъ другихъ понятій о медицинѣ и лѣчатъ своихъ больныхъ, какъ говорятъ Китайцы, по внушенію духовъ. Между подобнаго рода врачами особенно извѣстенъ во всѣхъ частяхъ города нѣкто по фамилиі *Ли*. Прежде онъ занимался астрологіею, воротилъ по *И-цзуну* (древняя книга о природѣ и происхожденіи существъ) и объявилъ себя врачомъ по наставленію котораго-то изъ духовъ, научившаго его лѣченію болѣзней. Всѣ знаютъ, что *Ли* недалеко въ медицинѣ; въ аптекарскихъ чашкахъ привыкли даже различать его рецепты, по безсмысленному соедине-

нію въ нихъ лѣкарствъ (у Китайцевъ подъ рецептами не подписывается фамилія врача); но всѣ между тѣмъ ищутъ пособія Лм, и онъ сдѣлался теперь и славнымъ и богатымъ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВРАЧИ.

Въ деревняхъ еще болѣе можно находить врачей, лѣчащихъ по наученію духовъ и прибѣгающихъ всегда къ ворожбѣ для опредѣленія болѣзни и соотвѣствующихъ оной лѣкарствъ. Замѣчательно, что между Китайскими деревенскими женщинами нѣтъ подобныхъ нашимъ знахаркамъ лѣкарокъ. Вѣроятно обычай Китайскихъ женщинъ — вести жизнь домохозянку, причиною того, что искусство врачеванія досталось въ удѣлъ однимъ мужчинамъ. Деревенскіе врачи, достаточно посвященные въ тайны Китайской медицины и лѣчащіе болѣзни по правиламъ искусства, часто вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются лѣченіемъ домашняго скота, и всегда уже умѣютъ ворожить о счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ, о благопріятности и несвойственности мѣста, назначаемого для построенія дома, помѣщенія кладбища и т. п. Астрологи въ Китаѣ почитаются необходимыми членами въ обществѣ, и въ городахъ составляютъ особый классъ людей; въ деревняхъ же, гдѣ грамотность не всякому дается, гдѣ

не у многихъ есть досугъ заняться въ молодости изученіемъ астрологическихъ книгъ, часто врачи, какъ люди болѣе знающіе между своей братьи, принимаютъ на себя обязанность мѣстнаго астролога.

Вознагражденіе врача за труды въ деревняхъ опредѣляется иначе, нежели въ городахъ. Тамъ врачъ есть вмѣстѣ и аптекаръ, имѣющій необходимыя лѣкарства, собранныя болѣею частію въ окрестныхъ горахъ; а потому, при лѣченіи болѣзни, берутся деньги собственно за лѣкарства, а не за лѣченіе. Рецензовъ никогда не прописываютъ, а самъ врачъ приготовляетъ лѣкарства и отсылаетъ ихъ на домъ къ больному съ наставленіемъ, какъ употреблять оныя. Большая часть деревенскихъ врачей принадлежитъ къ мѣстнымъ жителямъ той деревни, и вообще рѣдко случалось слышать, чтобы между ними были городскіе, или изъ другихъ деревень врачи.

ПОЛОЖЕНІЕ КИТАЙСКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Сословіе врачей въ Китаѣ пользуется въ народѣ достаточнымъ уваженіемъ; что доказываетъ почетное названіе врачей, присвоенное имъ съ самаго древняго времени и употребляемое до сихъ поръ для означенія рода ихъ занятій. Вмѣсто словъ: врачъ, лѣкаръ, Китайцы говорятъ: *Сянь-шанъ*, что значитъ соб-

ственно преждеродившійся. Слово это дается не только врачамъ. но и ученымъ вообще; а также — слѣпцамъ, писарямъ, живописцамъ, когда не хотятъ изъ учтивости употребить слова, прямо опредѣляющаго родъ ихъ занятій. Это выраженіе тонкой Китайской вѣжливости въ послѣдствіи обратилось въ обыкновенное названіе, и теперь, въ обыкновенномъ разговорѣ, слово : *слин-шань* употребляется какъ техническое, когда идетъ рѣчь о человѣкѣ, имѣющемъ особый родъ занятій, выходящихъ изъ круга ремесла, и между прочимъ и о врачѣ. Но когда съ учтивостію хотятъ соединить лесть ; то врачей называютъ : *дай-фу*, что значитъ *великій — мужъ*, употребляя это слово въ смыслѣ нашего *докторъ*, придаваемого иногда всякому, занимающемуся лѣченіемъ болѣзней. Въ простонародіи наконецъ даютъ часто врачамъ особенныя, характеристическія названія, выражающія одну какую нибудь исключительную слабость человѣка. Это суть прозвища, даваемые иногда людямъ, отличающимся чѣмъ нибудь особеннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, нравѣ и т. п. Такъ, напримѣръ, врачей, пристрастныхъ къ лѣкарствамъ горьчительнымъ, называютъ : *же-ло* такой-то N., приставляя на концѣ настоящую фамилію врача, напримѣръ : *же-ло-ванъ* (*же-ло* горьчительное лѣкарство, *ванъ* фамилія врача); а употребляющихъ часто лѣкарства укрѣпи-

ляюція (бу-ю) называютъ наипривѣрѣ: *бу-ю-чань* (бу-ю лѣкарство укрѣпляющее, чань фамилія) и проч. Подъ такими названіями, данными для означенія особенноти способа лѣченія, извѣстны эти врачи у всѣхъ.

По государственнымъ законамъ, все народонаселеніе Китая раздѣляется на два класса: *собственно благородныхъ* (чань), куда принадлежатъ всѣ служащіе въ гражданской и военной службѣ, и *народъ* (минь), куда причисляются: земледѣльцы, ремесленники разнаго рода, со включеніемъ врачей, несостоящихъ въ придворной службѣ, купцы и т. д. Изъ класса народа — (*минь*) исключаются рабы, служители въ присутственныхъ мѣстахъ, актеры, цирюльники: составляющіе низкій классъ людей, лишенныхъ нѣкоторыхъ правъ, присвоенныхъ даже и черни. Въ классъ благородныхъ можетъ попасть всякой изъ класса черни (*минь*), народа собственно, получивъ на это право по выдержаніи экзамена въ наукахъ, назначенныхъ для пріобрѣтенія гражданскихъ или военныхъ должностей. Полученная по экзамену степень открываетъ путь къ дальнѣйшему повышенію въ гражданской или военной службѣ, кому бы то ни было изъ народа (*минь*), будь онъ земледѣлецъ, ремесленникъ, купецъ и т. д. Трудъ и ученіе уравниваютъ у Китайцевъ въ этомъ случаѣ различіе происхожденій и даютъ

право вступать въ классъ благородныхъ. Одни только люди низкаго класса, какъ-то: рабы, актеры, цирюльники, служители въ присутственныхъ мѣстахъ исключены изъ этого правила и не могутъ держать экзамена, ни по военной, ни по гражданской части. Врачи, принадлежа ко второму классу, черни (*чэнь*), хотя и имѣютъ право поступленія въ классъ благородныхъ (*чэнь*), выдержавъ экзамень; но для этого отъ нихъ требуются не медицинскія познанія, а предметы, изучаемые всѣми на получение извѣстной степени, каковы суть, для *гражданскихъ*, собственно ученыхъ степеней: изученіе шести классическихкихъ книгъ и собственное разсужденіе на заданное предложеніе объ извѣстномъ предметѣ; для *военныхъ*: разнаго рода упражненія показывающія силу, ловкость и т. д. и нѣкоторое знаніе тѣхъ же шести классическихкихъ книгъ. Знаніе медицины по этому не даетъ въ Китаѣ никакихъ особыхъ правъ на полученіе извѣстной степени достоинства, ставящаго врача выше человѣка, принадлежащаго къ сословію черни.

Есть только одно мѣсто, въ которомъ медицинскія познанія открываютъ дорогу къ достоинству, вводящему человѣка въ классъ благородныхъ (*чэнь*). Это упомянутый выше *медицинскій приказъ* (тай-и-юань).

**МЕДИЦИНСКІЙ ПРИКАЗЪ И ОТНОШЕНІЯ ЕГО КЪ СОСЛОВІЮ
ВРАЧЕЙ. ПРИДВОРНЫЕ ВРАЧИ.**

Тай-и-юань (медицинскій приказъ) есть единственное правительственное мѣсто по медицинской части. Распоряженія его, однако, простираются не на все медицинское сословіе въ Китаѣ, а только на врачей, находящихся въ придворной службѣ. До него не касается: ни обученіе медицинскимъ наукамъ; ни разборъ дѣлъ, возникающихъ въ сословіи врачей. Первое предоставлено въ Китаѣ совершенной свободѣ, и за неимѣніемъ общественныхъ, казенныхъ и частныхъ училищъ для образованія по медицинской части, всякій по произволу учится medicinѣ на дому, у отца, учителя и т. д. или, даже, самъ безъ посторонней помощи. Разборъ же дѣлъ сословія врачей, смотря по роду обстоятельствъ, относится къ разнымъ правительственнымъ мѣстамъ государства, какъ и разборъ дѣлъ другого сословія гражданъ. Только ищущіе права поступленія въ придворную службу врачи имѣютъ прямое отношеніе къ медицинскому приказу, который производитъ имъ экзаменъ и окончательно опредѣляетъ къ должности. Всякій изъ вольно-практикующихъ врачей можетъ быть допущенъ до экзамена въ медицинскомъ приказѣ, не представляя никакихъ свидѣтельствъ о своемъ перво-

начальномъ обученіи медицинѣ. Экзаменъ состоитъ изъ письменнаго и словеснаго вопроса о какой нибудь болѣзни. На письменный вопросъ должно написать нѣчто въ родѣ разсужденія, придерживаясь во всемъ главныххъ правилъ медицины, изложенныхъ въ изданной правительствомъ книгѣ : *И-цзун-цзи-цзянь*. Удостоившійся хорошей отмѣтки, по экзамену, принимается сначала въ число врачей, состоящихъ при медицинскомъ приказѣ; потомъ, при очистившейся вакансіи при дворѣ, онъ можетъ поступить, на мѣсто вышедшаго, въ число придворныхъ врачей. Такъ слѣдовало бы дѣлать по уставу; но не такъ у Китайцевъ приводится это въ исполненіе : въ число врачей при медицинскомъ приказѣ опредѣляютъ по проискамъ, безъ всякаго экзамена, за деньги; а въ придворную службу Богдохана поступаютъ по просьбамъ, ходатайству, и т. п.

При Пекинскомъ дворѣ положено имѣть по штату врачей, занимающихся лѣченіемъ болѣзней собственно Богдоханской фамиліи, 15 человекъ; для лѣченія же болѣзней служащихъ при тамошнемъ дворѣ, 18 человекъ. Всего же при медицинскомъ приказѣ считается до 40 человекъ врачей, на службѣ состоящихъ, и около 30 человекъ, ожидающихъ вакансіи къ поступленію въ придворную службу. Старшіе изъ нихъ считаются въ чинѣ 5-й степени и носятъ на своей шапкѣ бѣлый

прозрачный шарикъ, а младшіе въ 6-й степени и носятъ на шапкѣ бѣлый непрозрачный шарикъ; самыя же младшіе считаются въ 9-й степени и носятъ мѣдный позолоченный шарикъ. Первые получаютъ жалованья около 180 руб. сереб., вторые 120, а самыя младшіе 90 руб. сереб. въ годъ, съ прибавкою тѣмъ и другимъ извѣстнаго количества сарачинскаго пшена. Числящіеся на ваканціи получаютъ помѣсячно отъ 1 до 2 руб. сереб., съ прибавкою также извѣстнаго количества сарачинскаго пшена, въ видѣ провіанта, наравнѣ съ иными военными чинами.

Служба при дворѣ и вакантное мѣсто при медицинскомъ приказѣ составляютъ конечную цѣль, къ которой можетъ стремиться честолюбіе Китайскаго врача. Кромѣ этихъ мѣстъ, нѣтъ другихъ, гдѣ бы врачъ могъ опредѣлиться на службу и получать чины. Говорятъ, что во время войны, при каждомъ знамени, соотвѣтствующемъ нашему корпусу, опредѣляется врачъ; но въ этомъ случаѣ, кромѣ условенной, опредѣленной за проѣздъ платы, врачъ не приобретаетъ ничего.

Сословіе чиновниковъ, собственно благороднаго класса людей (*чэнь*), послѣ купцовъ, есть самое вѣдущее въ Китаѣ. Особенно славятся богатствомъ занимающіе тамъ гражданскія должности чиновники, имѣющіе болѣе случаевъ къ наживѣ разными сред-

ствами, но врачи, кажется, не слишком стремятся попасть въ сословіе благородныхъ, чрезъ полученіе чина въ придворной службѣ и медицинскомъ приказѣ. Вѣроятно, ничтожное жалованье въ этихъ должностяхъ, и совершенный недостатокъ постороннихъ доходовъ мало обезпечиваютъ ихъ состояніе. Если же что и интересно для нихъ въ званіи придворнаго врача, такъ это не чинъ и жалованье, соединенные съ этимъ званіемъ, а скорѣе приобрѣтеніе права написать надъ входомъ своего дома «придворный врачъ такой-то»: слова, служащія не столько къ утѣшенію самолюбія владѣльца, сколько приманкою къ его дому большаго числа пациентовъ.

Говоря вообще, рѣдкіе изъ Китайскихъ врачей имѣютъ достаточное состояніе. Не знаю, многолюдство ли ихъ сословія, или ничтожная плата за труды, причиною этому? Исключеніе можетъ быть сдѣлано, въ этомъ случаѣ, для врачей, продающихъ секретныя лѣкарства собственнаго изобрѣтенія. Между ними многіе имѣютъ хорошее состояніе; но здѣсь богатство зависитъ прямо отъ торговыхъ оборотовъ и шарлатанства, а не отъ славы; добытой искусствомъ, трудами !

АНАТОМИЧЕСКІЯ ПОНЯТІЯ КИТАЙСКИХЪ ВРАЧЕЙ.

Изъ краткой Исторіи медицины въ Китаѣ видно было, что отъ самаго начала до послѣдняго времени медицинскія познанія терпѣли тамъ мало измѣненій. Это доказалъ намъ отчасти разборъ нѣкоторыхъ медицинскихъ книгъ, изданныхъ въ давнее и послѣднее время, и сравненіе ихъ между собою. Свобода вступленія въ званіе врача, не ограниченная никакими постановленіями, и соединенный съ этимъ произволъ знать ту или другую медицинскую книгу; неимѣніе въ медицинской литтературѣ хорошихъ руководствъ для начинающихъ изученіе медицины, отсутствіе по всему государству, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ общественныхъ мѣстъ для лѣченія болѣзней; наконецъ, народныя обычаи, ограничивающіе занятія врача въ частной практикѣ извѣстными условіями и т. д. по-

казываютъ также намъ, что медицина въ Китаѣ какъ не могла никогда измѣняться, такъ и не могла быть лучше той, какую знаютъ теперешніе Китайскіе врачи. Ей все неблагопріятствовало, все мѣшало повѣрить старыя познанія и замѣнить ихъ новыми. И мы видимъ теперь, что въ анатоміи Китайскіе врачи ограничиваются самыми первоначальными или, лучше сказать, самыми несовершенными понятіями; въ описаніи болѣзней — самыми невѣрными, сбивчивыми признаками, въ прописаніи лѣкарствъ — средствами, неточно опредѣленными въ своихъ дѣйствіяхъ на человека. Это иначе и быть не могло. Въ Китаѣ не только не существовало никогда разсѣченій человѣческихъ труповъ, (или объ этомъ только можно судить догадочно); но даже и сравнительно, по трупамъ животныхъ, Китайскіе врачи никогда не пытались судить о строеніи человѣческаго тѣла. Обычай народный, не позволяющій врачу посѣщать своихъ больныхъ по своему усмотрѣнію, безъ вторичнаго приглашенія, всегда препятствовалъ повѣрять на опытѣ описанные въ книгахъ припадки болѣзней и замѣнять эти описанія болѣе точными. Этотъ же народный обычай всегда мѣшалъ врачамъ лучше и вѣрнѣе узнавать свойства лѣкарствъ и точнѣе опредѣлять дѣйствіе ихъ на больного. Поэтому Китайскіе врачи во всемъ, касающемся до анатоміи, распознаванія болѣзней и опредѣленія свойствъ

лѣкарствъ, должны были слѣдовать наставленіямъ древнихъ и вѣрить безусловно всему, что содержится въ книгахъ, отъ древности уцѣлѣвшихъ. Состояніе медицины въ Китаѣ въ настоящее время какъ нельзя лучше подтверждаетъ все это и мы не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что теперешніе Китайскіе врачи знаютъ не больше того, что написано въ *Хуанъ-ди-ной-цзинь*, книгѣ самой древнѣйшей, какъ извѣстно, особенно же по части анатоміи, по отправленію внутреннихъ и всѣхъ главныхъ, основныхъ положеній медицины. Если же что и можно приписать заслугамъ врачей послѣдующаго времени, такъ это изложеніе способовъ лѣченія нѣкоторыхъ болѣзней; что однако, сдѣлано еще за 200, 300 лѣтъ до сего.

Занимствованныя изъ книги *Хуанъ-ди-ной-цзинь* анатомическія понятія состоятъ: въ поверхностномъ описаніи наружнаго вида внутренностей человѣческаго тѣла, въ перечисленіи костей, безъ описанія формы и положенія оныхъ. Нѣсколько лучше и отчетливѣе описаны: кровеносные сосуды, направленіе ихъ по тѣлу и отношеніе къ внутренностямъ. О мускулахъ нѣтъ и помину, они извѣстны подъ общимъ именемъ — мясо. Головной и спинной мозгъ почитаются за одно съ острымъ мозгомъ и понятія о нихъ ограничиваются однимъ, только, этимъ названіемъ. Подъ именемъ *Цзинь* иногда разумѣются нервы; а иногда сухія

жилы, и вся подробность въ описаніи первыхъ состоитъ въ показаніи направленія и хода ихъ по тѣлу; а въ описаніи вторыхъ — въ присвоеніи имъ способности сгибать члены: руки и ноги.

Нѣкоторая правильность, замѣтная въ описаніи внутреннихъ, заставляетъ предположить, что анатомическія понятія первоначально взяты были съ натуры, изъ разсматриванія труповъ человѣческихъ или, по крайней мѣрѣ, труповъ животныхъ. Но въ Китайскихъ медицинскихъ книгахъ нельзя отыскать подтвержденія такой догадки. Ее отвергаетъ также излишняя краткость въ описаніи, по мѣстамъ сбивчивость, постоянно недостаточное описаніе фигуры внутреннихъ и частое перестановленіе какойнибудь изъ нихъ въ тѣлѣ, несогласное съ природою. Но если предположить еще, что составленная по вскрытіямъ человѣческихъ, или, по крайней мѣрѣ, животныхъ труповъ анатомія, возможно-полная и сходная съ природою, была затеряна, что анатомическія свѣдѣнія, передаваясь изустно, часто неполно, или съ невѣрными прибавленіями, послужили въ послѣдствіи къ составленію тѣхъ ложныхъ анатомическихъ понятій, какія сохранились до позднѣйшаго времени, то и въ такомъ случаѣ мы придемъ къ тому убѣжденію, что и древнія анатомическія понятія Китай-

цевъ были только приблизительно вѣрны, а при сказанныхъ измѣненіяхъ дошли до того жалкаго положенія, въ которомъ находятся въ настоящее время.
